

1

Как-то раз вечерком я и жена присели отдохнуть на лавочку в Измайловском парке, а под ней оказался человек. Мы его поначалу и не заметили. Не то чтобы он совсем уж с землёй сливался, но одежда действительно была какая-то камуфляжная, пятнистая. Евгения здраво рассудила, что место, стало быть, уже как бы занято, а следовательно, надо уходить и искать другое. Скамеек много. Я же, включив логическую мысль, возразил: одно дело — сидеть на лавочке, и совсем иное — лежать под ней. Это в имущественном отношении совсем разные вещи. И не даёт никаких прав на личное пространство. Вот если бы мы улеглись рядом с ним на землю, то... Мы, как часто водится в нашей семье, заспорили, приводя те или иные доказательства, вплоть до кодекса Наполеона. Впрочем, больше шутя, чем серьёзно. Вот всегда так: ссоримся из-за всяких пустяков. Но чаще просто делаем вид, потому что любим друг друга. Тут человек под лавкой закашлял.

— Я вам не мешаю? — хрипловато спросил он.

— Извините, что мы вас разбудили, но вопрос уж больно серьёзный, — отозвался я и нагнулся, чтобы посмотреть на него. Это был юноша лет двадцати, с бородкой. — А вот вы как считаете, кто из нас прав, если, конечно, слышали наш спор?

— Да я вовсе и не спал. Я думал. А не правы вы оба.

— А о чём, простите за нескромность, вы думали? — спросила жена. — И почему вынесли столь категорический вердикт нам обоим?

— Спор ваш пустой, как и всё в этом несправедливом мире. Неправедном даже. А думал я о том, где бы поесть и попить чайку. Желательно с лимоном. Я вообще очень часто и долго думаю на эту тему. С голода. С тех пор, как перебрался из Твери в Москву. И ещё о тайне мироздания тоже много думаю. О судьбе России. Но это тогда, когда уже сытый. Не на пустой же желудок о таких глобальных вещах размышлять.

— А почему же не на пустой? — озадачилась Евгения. — Мне всегда казалось, что голодный художник или философ всегда намного дальше продвинется в своих исканиях и свершениях, чем обжора. Да вся история человечества только о том и говорит.

— Это так, но ведь в подвешенном состоянии в голову опять же одни только мысли о еде и лезут. Согласитесь. Какой уж тут Кант с Гегелем! Гоголя-моголя бы. Всё должно быть в меру.

— Логично, — согласился я и поинтересовался: — А пришли вы уже к какому-то определённом выводу о тайнах мироздания и о судьбе России?.. Да вы выбирайтесь из-под лавки, присаживайтесь, а то разговаривать неудобно. И земля в мае ещё прохладная, простудитесь.

— Да я уже простужен. Но благодарствуйте. А по поводу вашего вопроса, увы, ничего конкретного ответить не могу. Сплошные загадки. Туман. Как и то, где я буду сегодня ночевать. Такие вот думы.

Так мы и познакомились. Человеком он оказался очень интересным. И начитанным. А потом он в тот же день очутился в нашей однокомнатной квартире на Уральской улице. Мы, естественно, как добрые самаритяне, перво-наперво предложили ему пожить некоторое время у нас на кухне, на кушетке, всё-таки поближе к холодильнику, поскольку Юрий был постоянно голоден. Там же и наша собака спала, Лера. Они быстро поладили. Видно, почувствовали какое-то родство душ и схожесть судьбы. Дело в том, что Леру ведь мы тоже на улице подобрали, ещё щенком. Юрий, конечно же, совсем иной случай, уже “взрослый пёс”, если уместно такое сравнение. В его, между прочим, пользу и добрую характеристику всех бродячих собак. Но, однако, что-то щенячье бестолковое проявлялось порой и в нём. Например, зачем он из своей насиженной деревни близ Твери поперся в Москву? В поисках приключений? Для самоутверждения? Чтобы обрести смысл жизни? Или чего вдруг в тот вечер он улёгся под лавку, а не занял горизонтальное положение на ней, как положено, если уж очень хотелось спать? Хотя так мы бы прошли мимо и не познакомились. Судьба-с...

История его вкратце такова. Схожая со многими его сверстниками из потерянного поколения в провинциальной России. Родился в неблагополучной семье. В бесперспективном месте. Мать пила, отец пил, отчим тоже, потом все один за другим пропали, кто в алкогольном угаре в пруду утонул, кто в сугробе замёрз, кто в тюрьму угодил. Да таких часто в программе у Гордона или Малахова показывают, орут друг на друга, жалуются, матерятся, рыдают, что-то выясняют, зывают к состраданию. Создают коллективный образ России. Будто других людей для показа по телевизору нет. Пригласили бы хоть одну пиликающую на скрипке семью. Сидели бы перед камерами и пиликали, пока бы все не заснуло, включая операторов и режиссёров. Ан нет, не формат. Рейтинг упадёт ниже плинтуса. Ор лучше. Объясняет биологический вид “хомо рус”, отличный от всего остального “цивилизованного человечества” во главе с англосаксами.

Так вот, воспитывался Юрий у деда с бабкой, да те тоже, в конце концов, спились. Но внук по их стопам не пошёл, напротив, не пил и не курил сроду. Зарок дал. Слишком ярок и горек был наглядный пример. С детства тянулся к знаниям, всё больше гуманитарным, школу окончил хорошо,

чуть ли не с золотой медалью, читал много, занимался самообразованием и спортом, даже в церковь ходил каждый день. Пел там, на клиросе, голос у него был звонкий, и выполнял обязанности иподиакона. Оставшись круглым сиротой, он вообще мечтал стать монахом. Не срослось что-то. Потом отслужил в погранвойсках и загорелся другой идеей. Заколотив пустой дом в деревне, он, как молодой Растиньяк или Жюльен Сорель, двинулся на покорение столицы. Не имея за душой ни копейки. Авось, вывезет. Характерная русская черта. Тяга к перемене мест, как писал ещё профессор Ключевский, объясняя переселение славян, перелёт их на незаселённые территории подобно стаям аистов. Но “вывезло” пока что только на нас. Может, повезло даже. И ему, и нам, но это я уже потом отметил, спустя много дней. Ведь встреча эта была промыслительной.

— Ты, конечно, понимаешь, — честно сказал я ему на второй вечер, — что долго мы тебя терпеть не станем. Но чем сможем — поможем.

— Понимаю. И на том спасибо.

Мы с женой — пара среднего возраста, ближе к сорока пяти, и без особого достатка. Она врач, я литератор, детей, кроме собаки, нет. Живём скромно и тихо. Но Юрий нам как-то сразу пришёлся по душе, словно потерявшийся в детстве отрок или вернувшийся блудный сын. Хотя это вовсе не означало, что из-за него мы стали бы ломать устоявшийся образ жизни. Однако русскому человеку всегда хочется кого-то облагодетельствовать, ошастливить, приласкать и приголубить несчастного, обездоленного, чтобы “держатъ это в уме”, “на всякий случай”, и потом, может быть, предъявить сей факт в качестве последних аргументов на Страшном Суде. Так и мы, наверное, не сговариваясь и не шибко обсуждая этот вопрос, взяли Юрия к себе в дом. На бессознательном уровне, как “козырную карту” в этой игре с Милосердием. Да и любопытно было, честно говоря, просто приглядеться к одному из ярких представителей нового поколения России. А то ведь и не знаем вовсе. Думаем лишь, что “прочитали” эту открытую примитивную книгу. Нет. Только первую страницу открыли. А уж то, что Юрий был “ярок”, сомнений не вызывало. И, в какой-то степени, он был именно той самой “козырной картой”.

— У меня есть тайна, — объявил он нам на вторые сутки. — Даже две.

— Тогда уж лучше ты их при себе держи, — отозвался я. — Это как “материнский капитал”. Если скажешь — растратишь пустую, какая же это будет тайна? Девальвированная. А немецкая пословица вообще гласит: что знают двое, знает и свинья. А нас и вовсе трое в лодке, не считая собаки. Уж Лерочка так точно в каждом дворе растреплет, разберет твои секреты всем своим друзьям и подружкам, кобелям да сучкам.

— Ладно, тогда помолчу пока.

— Нет уж, говори, коли начал, — попросила жена. Она страсть как любопытна. И мы вновь между собой заспорили. Я победил. Тайны свои Юрий решил до поры до времени сохранить. Но вот с этого-то настоящая история и начинается...

2

О тайнах чуть позже, а пока о том, как осуществилась мечта Юрия. Тут надо добавить, что первые трое суток наш незвано-званный гость только отсыпался и ел, хотя и разговаривал тоже, рассказывал о себе прямо и откровенно. Много. А чего скрывать? Всё на лбу написано. *Enfant terrible* нашего времени. “Ужасное дитя”, если по-русски. Хотя ничего ужасного в нём не было. Даже красив. И внешне, и какой-то внутренней духовной красотой, когда загорался.

Жена нарадоваться не могла (она врач-психотерапевт, к тому же диссертацию пишет о пороговых изменениях сознания в позднем подростковом возрасте). На примере этого молодого человека ускоренно и пошло дело. А Подросток ведь и у Достоевского лет двадцати... Да и мне для нового романа типаж был вполне подходящий. Я его давно задумал написать, название только не вырисовывалось. А теперь, как ударило: “Человек под лавкой”.

Словом, свою выгоду мы тут тоже имели. Все при своих, короче. А в конце третьих суток Юрий заявил:

— Ещё, кроме тайны, у меня мечта есть. О ней-то хоть можно?

— Нужно, — сказала жена. А я, как обычно, возразил:

— Вообще-то тоже нежелательно, мечты — дело сокровенное, хотя и пустое. Не христианское это занятие — мечтать. Всё равно, что плавать в сладких иллюзиях, как в болоте. Не уследишь, как на дно утянут. К жабам.

Юрий погрузстнел, но тут уж и меня любопытство разобрало:

— Ну, хорошо, валяй... А дай-ка попробую угадать. Небось, хочешь стать богатым буржуином, как Дерипаска, или купаться в лучах теледешёвой славы, вроде Урганта, а потом жениться на какой-нибудь Маре Багдасарян, чтобы носиться с ней на папином “гелентвагене” без руля и ветрил. Давя детей и старушек направо и налево.

А жена со смехом добавила:

— Стишок такой есть, из моего детства. Маршак, кажется. О повзрослевшем и погрузневшем мечтателе, в кого он превратился. Помню только последние две строчки:

*...Наваливался брюхом на публику в метро
И старикам-старухам грозил сломать ребро.*

Мы, как всегда, чаёвничали на кухне, атмосфера была самая благодушная, весёлая. Но то, что мы позже услышали, нас поразило.

— Нет, Александр, ты меня слишком низко ценишь, — серьезно ответил Юрий. Его серо-голубые глаза заволокло лёгкой дымкой: — И вы, Евгения Фёдоровна. Даже обидно как-то... Я хочу посвятить всю свою жизнь борьбе за будущее процветание России, полностью погрузиться в политику и организовать здесь новое молодёжное движение. Которое со временем превратится в мощную революционную силу. Главную партию на Руси. Самую честную и справедливую, истинно народную, которая в итоге сметёт поганой метлой власть олигархов и искоренит всю эту мерзкую “пятую колонну”. Освободит закабалённый труд. Высвободит низовую энергию. И наведёт здесь чистоту и порядок. Нравственную чистоту и божественный порядок. Уже на века и до конца времён.

Признаться, даже такие тёртые калачи, как мы с женой, после этих слов несколько опешили. Я даже за столешницу ухватился, чтобы не упасть со стула. Чего угодно можно было ожидать, но не подобного. Видно, не зря мы выбрали ту свободную лавочку в Измайловском парке, под которой покоился до поры до времени новый Ленин. Это действительно судьба. Она своим извилистым путём свела нас с молодым русским Махатмой Ганди. Боливаром и Че Геварой в одном флаконе. А что было ещё подумать в ту минуту?

Пока Евгения приходила в себя, я осторожно начал, стараясь сразу не разочаровывать Юрия в его заветных мечтах:

— Политика — вещь довольно тёмная, скользкая, вредная и путаная. Нужно быть готовым к любым ударам судьбы и пакостям исподтишка. Честным и добрым людям там попросту делать нечего. Вон, уже и Ксения Собчак в политику рвётся. А есть и похлеще... Да вся Болотная площадь несколько лет назад была ими усеяна, всеми этими гламурными поганками. Совсем на голову отмороженные. Но это разговор длинный. А концепция у тебя есть? Программа.

— Есть.

— А на кого думаешь опираться? Молодёжь ведь электорально разная. Есть бедные и богатые, ботаники, мажоры, офисный планктон, трудяги, зомби... Да и от места проживания многое зависит. Одно дело — мегаполис, другое — провинция. Везде свои ценности.

— А я к каждому найду особый ключик. Да и объединяет их всех одно.

— Что же, кроме возраста? — спросила жена, делая пометки в блокнот.

— Безверие. Никто ни во что не верит. Все нынешние идеалы и кумиры — ложные. Все цели — смешны и ничтожны. Вся действительность —

мерзка и срамна. Всё будущее — под большим вопросом. Кругом обман и предательство.

— Тебе что же, не нравится нынешний курс? — спросил я. — Чем он плох?

— Жёстче надо, жёстче.

Юрий стал рассказывать по кухне, чётко отмахивая рукой, очевидно, уже примерял на себя тогу оратора в римском Сенате:

— Самое страшное — сонное царство успокоения. И предательство элит уже не за горами. Ещё чуть-чуть — и скрытая измена проникнет во все слои общества, ядовитой змеей проползёт. А случись война? Все сдадутся. Молодёжь — первая. Потому что их так учили. А я дам им надежду и веру. Я поведу их за собой и выведу из мрака гибели к свету истины. Я верну им утерянный смысл жизни. И они сами возродятся и воскресят уже почти умершую Россию. Потому что кроме них сделать это больше никому. А у меня есть силы, я чувствую это, я готов возглавить их. Я, собственно, именно для этого и рождён, и ради этого, ради грядущей борьбы прошёл все круги тверского ада. Больше скажу. Война, как бы горько это ни прозвучало, просто неизбежна. И даже необходима, если разобраться. Или они — нас, или мы — их. Третьего не дано. И чем раньше она начнётся, тем лучше. Поэтому именно сейчас, как никогда прежде, нужен огромный мобилизационный проект. Гигантский, общероссийский. И перевод всей экономики на военные рельсы. Пока не поздно.

Мы с женой, честно говоря, заслушались, глядя на него. Даже Лера притихла, не спускала глаз с его рта. Он, несомненно, обладал неким даром. Словесным ли, вдохновенным, духоподъёмным, сакральным — не знаю. Тут жене разбираться как психиатру. Но то, что он умел говорить, как петь, — это уж, на молодёжном сленге, “ясен пень”. А я вот о чём подумал: из него бы и церковный проповедник складный получился. Вероучитель. Не случайно он в школьные годы в монахи хотел попасться.

Тут Юрий, будто угадав мои мысли, полез в свою суму перемётную и вытащил оттуда бережно свёрнутую чёрную бархатную рясу.

— Вот, во всём отказывал, на последние деньги купил, сшили на заказ, — похвастался он. — Я ведь ещё таю надежду принять священнический сан или постриг. А знаете, всего, чего я хочу, того и добиваюсь. Сила воли у меня есть, этого не отнять.

— А как же ты будешь совмещать иночество с политикус? Чистое и грязное? — спросил я.

— А так. Как монах Илиодор, то есть Сергей Труфанов, скажем. Бывший друг Распутина.

— Они плохо кончили, — напомнила жена. — И тот, и другой.

— Но дорогой шли правильной. Это уж потом их занесло, куда не надо, — отозвался Юрий, примеривая перед зеркалом в коридоре и перед нами рясу, чтобы покрасоваться. И впрямь она ему шла к лицу и фигуре. Сухощавый, аскетичный, светлые волосы, курчавая бородка, серо-голубые глаза с поволокой. Вид у него стал совсем иной, неотмирный, загадочный, просто Алёша Карамазов какой-то или чёрт-те кто ещё. Хомо рус.

— А зачем же бархатная ряса, а не обычная? — спросила жена. — Для начала-то сгодилась бы и из простого хлопка или даже дерюжки.

Но этот вопрос Юрий пропустил мимо ушей. Как и моё замечание, что в комплект к рясе надо было бы заказать ещё и пудовые колосники в качестве вериг. Зато он с удовольствием продолжил свою “песню” высоким литературным штилем (из чего я уже давно сделал вывод о его начитанности и образованности):

— Знаете ли, друзья мои, давшие мне столь душевный приют, за что я вам бесконечно благодарен, в чём дело? Именно сейчас, когда Россия подошла к краю мировой пропасти, Православие не может и не должно стоять в стороне. Поэтому оно, конечно же, совместимо с политикой. Особенно в тяжелейшие и, может быть, даже последние времена. Апостатийные, если хотите. На нём лежит исключительная миссия. Но наши первоиерархи этого не понимают. Или понимают, но молчат. Или не молчат, но говорят то,

что угодно властям. А подлинная их власть — в Ватикане. Высшие церковники сидят за одним столом со служителями мамоны и едят с ними из одного котла. А простому люду суют разбитое корыто, отнятое у старухи из “Золотой рыбки”, да и то полупустое. А нужен человек, который порушит этот тлетворный богомерзкий союз, этот симбиоз лжи и зла. Вся тысячелетняя история России требует и взывает к тому, кто “вольёт новое вино в мехи старые”. Кто возьмёт на себя смелость открыть вежды слепым и заблудшим. И пусть он даже погибнет на пути своём, но этот человек не отступится. Заканичваю: эту миссию волей, данной мне Богом, я беру на себя.

Мы выслушали эту арию нашего *тамбовского гостя* с напряжённым удовольствием, как зрители в Большом театре. Ну, в Малом, по крайней мере. “А из него непременно выйдет толк. По пустякам не разменивается, сразу берёт высшую планку”, — подумал я. А жена в довесок к моим мыслям вслух добавила:

— Ещё одна хорошая немецкая поговорка: кто берёт слишком высокую ноту, может не закончить песню.

У Юрия была хорошая реакция и остроумие, он сразу же перешёл на другой тон и стиль речи:

— А вы, дорогие мои москвичи, часом, не немчура колбасная будете, не немецкие шляпники? Пошто всё ихними пословицами изъясняетесь? Негоже. Чай, на Руси живём, не в Бранденбурге.

— Срезал, — усмехнулся я. — Ты и впрямь похож на человека-мессию.

— Да, — скромно потупился он. И тяжело вздохнул. Словно уже нёс на своих плечах непосильную ношу.

— Значит, ты будешь искать главную опору своего будущего движения в воцерковлённой молодёжи? — спросила жена.

— Не только, — охотно объяснил он. — Простой рабочий люд с городских окраин. Замордованное нищее крестьянство. Брошенные сироты из детдомов. Казачество. Я ведь и сам казак. Разорившиеся мелкие предприниматели. Донбасс подтянется, у меня там друзей много, я вместе с ополченцами воевал. Крым, возвратившийся в родную гавань. Все заброшенные государством молодые парни и девушки. Вечно юные сердцами ветераны, презрительно прозванные “совками” и “ватниками”. Коммунисты и монархисты. И никакого офисного планктона, гламурных бездельников. Никаких мажоров. Хотя со временем и они потянутся, те, кто поймут. Я никого не оттолкну, не отрину. Весь *русский мир*, словом. Зарубежье. Все получают приют в моём виртуальном храме, как вот вы дали мне кров в своём доме. И каждый найдёт там краюху хлеба для своей обездоленной охолодевшей души.

Наступила театральная пауза.

— Теперь понятно, почему тебе самому нужна опора на христианство, а не на что иное, — подметила жена. — Но это не ново. Использовать религию или язычество в своих целях. Вожди всех партий так делали. Жрецы тоже. И Лютер, и большевики, и даже радикалы-экстремисты, вроде ИГИЛ. Да и либеральные демократы тоже. Только у тех культ частной собственности и рынка. И мифические “права человека”.

— Религия, христианство — оно ведь разное, — ответил Юрий, вскинув на нас свой чуть затуманенный от собственных речей взор: — Есть ведь и древнерусское язычество, которое тоже не плохо. Но Православие — это святое, это *наше византийское всё*. Без него не сдвинешься. Как телега не поедет без возницы и лошади, так и тут. Возница — вера, лошадь — я. А телега — моё политическое движение, которое вывезет Россию с обочины на прямую колею. Вот так вот.

Он явно утомился, даже капельки пота на лбу выступили от напряжения чувств. Время было позднее, чай весь выпит, пора и поживать. Но я всё-таки решил задать последний вопрос:

— А сподвижники у тебя уже есть?

— Нет. Вернее, есть двое, хотя они об этом пока не догадываются, — и он выразительно посмотрел на нас. Помолчал, потом добавил: — И я очень прошу вас помочь мне в самом начале. Вам позже это стократ зачтётся. Я ведь тут, в столице, совсем одинок. Мне не деньги нужны, а связи. Введите меня

в круг своих друзей и знакомых. Расскажите им обо мне. Ты, Александр, в среде пишущей братии враждаешься, а к вашему слову, Евгения Фёдоровна, также многие прислушиваются. Оба вес имеете. Вот и подтолкните меня, как ком с горы. А лавина уж потом сама обрушится.

Мы с женой переглянулись, подумали и, не сговариваясь, ответили согласием. Отчего же не помочь? И лишь позже, уже засыпая, я вдруг вспомнил его последнюю фразу: “ком с горы”. Так ведь не на вершину, как он мечтает, а вниз. Оговорка по Фрейду. Этак он опять под лавкой окажется... Но уговор есть, контракт заключён, а стало быть, и делать больше нечего. Отступать поздно, рассусоливать тоже. Так мы очутились в одной связке или “в телеге”, выражаясь языком Юрия.

3

Дальнейшие события развивались так. И они действительно напоминали “ком с горы”, что говорило о незаурядном таланте Юрия Шмакова обольщать и покорять людей. По крайней мере, ту их часть, которой свойственно “покоряться” и “обольщаться”. А таковых, как учит нас вся мировая человеческая история, — большинство. Свидетельство тому — украинский майдан. Было бы желание, безвременье да подходящий климат. То есть три составляющие успеха в любом деле и начинании: собственный характер (ум, воля), исторические предпосылки (стечение обстоятельств) и среда обитания (в данном случае — столица России, а точнее — кухня в нашей квартире).

Но ведь почти все великие и большие дела зарождались в относительно маленьком замкнутом пространстве. На корсиканском острове, в сибирской избе, в крохотном венском кафе, в камере заключения, в отшельническом скиту, на московских кухнях. Это потом они уже выплёскивались в пространство, в города и веси, на площади, в эфир, в сердца и души людей. Оформлялись в книги и учения, в философские и религиозные направления, в политические течения и в стройные, до поры до времени, логические схемы. Местопребывание харизматической личности играет огромную роль. Это аксиома.

Что бы сотворил Юрий в своей деревушке близ Твери? Да ничего! Скорее всего, точно так же, как его родичи и земляки, не выдержав, от безысходности начал бы пить горькую, подворовывать то, что ещё не успели украсть, молотить соседей кулаками да костить сроки. Иной судьбы власть предержащие селянам и провинциалам не определили. Что на федеральном, что на региональном или муниципальном уровнях. Хоть в Твери, хоть во всех иных районных и областных городах и поселениях, по всем закуткам и уголкам Отечества. Социальные лифты работали только при Советской власти. Может быть, отчасти и при царизме. А ныне... Общество мироедов и потребителей, в этом я с ним был согласен. Менять матрицу необходимо.

Но вот ведь что самое смешное и трагичное: каким бы ответственным и достойным ни был верховный лидер нынешней России, но один он ничего не в силах сделать, чтобы поменять ситуацию. А сподвижников нет или их мало. И в любой момент может произойти государственный переворот. Даже если заменить всю верхушку элиты, срезать её, как сорную траву, на смену ей тотчас же встанут их вороватые замы и помощники, такие же, как они. Убери и их — тут же и новые клоны выдвинутся. Займут освободившиеся места. И так же начнут грабить, набивать свою мошну. И это касается не только бизнеса. Везде и всюду, что в политике, что в экономике, что в культуре. Потому что уже всё коллективное сознание общества пропитано и пронизано паскудными идеями девяностых годов. Деньги, деньги, деньги...

Прав был Гоголь, писавший своему другу, что в России человека человеком не переделаешь, и если даже к каждому жулику приставить по одному надзирателю, то в итоге просто получишь через какое-то время двух жуликов. А что же делать? Нужен действительно какой-то метафизический взрыв, вроде рождения новой звезды в галактике. Планетарного масштаба. Либо вселенская катастрофа. Либо третья мировая война. Либо революция. Но это уже моё личное мнение, которое разделял и Юрий. Мы с ним потом долго беседовали и спорили на эту тему.

Так что приезд Шмакова в столицу стал для него в какой-то степени судьбоносным. Правильно сделал. Этот его решительный шаг навстречу главной цели мы с женой одобрили. И ничего, что он начал свой путь с восхождения “из-под лавки”. В жизни великих людей случались ещё и не такие причуды. Вот, скажем, библейский Иосиф был в рабство египтянам продан, а потом израильский народ за собой повёл. А Ницше свои последние трактаты писал, вообще не вылезая из сумасшедшего дома. Но, может быть, эти примеры неуместны, и мы сразу слишком уж высоко оценили дарования и способности Юрия? Да нет.

Воли, характера и ума ему было не занимать, а уж какие исторические предпосылки сложились в России и во всём мире в наше время, хорошо известно. Запад словно бы одурел от ненависти. Санкции, клевета, тройные стандарты, растоптанное международное право, дискриминация русских просто потому, что ты — русский, фальшивые допинг-скандалы, майданутые нацисты в соседней стране, твякующие поляки и прибалты, снос памятников, пересмотр итогов Второй мировой войны, желание отобрать нашу Победу, коалиция всей Европы и Запада против России, гибридная война, грозящая перейти в горячую, ядерную. Безумие достигло предела. Хаос, как перед приходом Антихриста.

Да ещё “пятая колонна” внутри страны, только и ждущая сигнала, чтобы перейти на сторону врага. Побежать всем скопом, уже явно, с цветами и хлебом-солью. А у всего остального населения — обострённое чувство несправедливости и ненависть к нагло кичащейся своей роскошью элите и их сынкам. Ограбившей народ ещё в девяностые... Почему не пересматривают “итоги приватизации”? Зачем держат весь этот либеральный экономический блок в правительстве, играющий во вред стране? До каких пор будут терпеть Чубайса и иже с ним? Почему не вводят прогрессивный налог, который ударит по богатым? Где “посадки”? Отчего не трогают явных воров и жуликов, подлецов и мерзавцев? Получается: друзьям — всё, остальным — закон? И прочее, прочее. Всё это может родить такую бурю, которая сто лет назад смела династию Романовых, а в 1991 году — Советский Союз. И никто, как и тогда, на защиту не выйдет. Справедливость — ключевое слово в государственном устройстве. Как этого не понимают в Кремле? А может, и понимают, да сделать ничего не могут.

Так что все три составляющие успеха были налицо. И Шмаков, надо отдать ему должное, предельно грамотно ими воспользовался, на все сто. Стечение обстоятельств было на его стороне. Но вот на чьей стороне он играл сам, да и играл ли вообще или искренно верил в то, что делал и думал, — это мне было не понятно. Я ещё не до конца разобрался. До Иосифа Прекрасного или Ницше, да и до других титанов духа и мысли ему было, конечно же, далеко, как от зимы до Луны, но брошенное в унавоженную землю зерно стало быстро прорасти. Тем более что ситуация в мире всё больше и больше обострялась. А это сказывалось и внутри России, хотя внешне всё выглядело стабильно и даже “единодушно”, несмотря на все усилия “расскачать лодку”.

Однако в воздухе ощущались какие-то флюиды скрытого недовольства, некое грозное *томление* духа, скапливающееся в низких слоях атмосферы. Пока это ещё выглядело как слабое дребезжание воздуха перед резким перепадом давления, проливным дождём или настоящей грозой, которая может внезапно разразиться, как бы ни разгоняли мрачные облака из метеорологических орудий. Силы природы неудержимы. А из законов физики все мы знаем “теорию резонанса”. Проходили в школе, классе, кажется, в седьмом. Нельзя роте солдат шагать в ногу по мосту. Он может рухнуть, войдя в резонанс с солдатами. Конструкция не выдержит. Но перед этим начинается дребезжать. Поэтому знающий лейтенант всегда заранее командует: “Вольно!” Однако теория эта применима не только к мостам и зданиям, материальным объектам. Перед тем, как разрушиться, дребезжать начинает всё: люди, идеологии, государства. Так что бойся того, что дребезжит.

К чему это я говорю? Надо отметить, что Юра был среднего роста, худощав, рябоват, слегка заикался и чуть прихрамывал. Но эти малые физические

недостатки ничуть не убавляли его внешнего обаяния. А когда он начинал говорить, взнуздывая своего Пегаса, то и вовсе речь его не заикалась и не дребезжала, а текла ровно и плавно, а потом стремительно неслась галопом или аллюром, в зависимости от обстоятельств. Глаза загорались потаённым огнем, лицо пылало. Да и сам он весь напоминал сурового всадника, грозного юного рыцаря, одержимого крестоносца. Позже мы выяснили, почему с ним происходит вдруг такая метаморфоза. Он сам признался.

Ещё в младенчестве мать спьяну уронила его вниз головой в открытый погреб, но он выжил. Потом, в школьные годы, отчим (а отца, судя по всему, вообще не было; по крайней мере, пропал рано, да и определить точно, кто именно им являлся из шеренги местных и заезжих петухов, никогда и никому не удавалось) сорвал свою пьяную злость поленом по его затылку. Но Юрия откачала и поставила на ноги местная бабка-знахарка. Вдобавок ко всему, в армии юный пограничник, отказавшись утюжить форму дембеля, получил от того утюгом по лбу. К тому же, после сотрясения мозга и лазарета, на очередных учениях ему случайно прострелили ступню. Вот Шмакова и комиссовали всего через полгода службы, отправив негодного солдата в “дурку”. А позднее случился Донбасс, где Юрию пришлось повоевать добровольцем под командованием легендарного Стрелкова против бандеровцев. Но об этом он мало рассказывал. Может, не хотел врать?

Очевидно, всё это и сказалось на его психике, изменив на метафизическом уровне сознание и образ мыслей в определённую сторону. Так объяснила нам Евгения Фёдоровна, потомственный врач-психиатр в третьем поколении. Она, правда, не добавила, в какую именно — лучшую или худшую? Но этого, естественно, ни она и никто другой до поры до времени знать не мог. Будущее покажет. Психиатрия, как макро- и микрокосмос, полна загадок и тайн. А впрочем, где их только нет в мироздании? Без них и Земли бы со всем сложным человечеством не было, а остались бы лишь конкретные и широкодоступные дороги в рай и ад для подobia людей.

— Ничего, — сказала моя жена, на третий или четвёртый день нашего знакомства с Юрием, когда мы более подробно познакомились с его биографией, — изменённое сознание — это внутреннее состояние человека сопротивляющегося и думающего. Первая попытка вырваться из плена ограниченности. Второй может и не быть, обычно человек сдаётся и принимает все условия быта и бытия. Об этом хорошо писал швейцарский психиатр, а по совместительству теолог-иезуит, кардинал Ханс Урс фон Бальтазар: человек рождается в плену; душа, тело, мысли, одежда — у всего этого есть свои границы, и всё это само по себе тоже служит границей. Всё, что нас окружает, делится на некое “то” и некое “это”; они отделены друг от друга и друг с другом не сочетаются. Не каждому дано изменить себя и мир вокруг. А тебе, Юрий, ещё очень повезло, что не уподобился своим сверстникам и родственникам.

— Я знаю, — важно ответил он.

— Развитие ума, — продолжила Евгения, — это ежедневный труд, сродни физическим упражнениям, только гораздо нужнее и плодотворнее, не всякому по силам. Если это и спорт, то высших достижений. Но если ты не можешь или не в силах изменить внешность, форму, очертания — попробуй изменить саму суть, сердцевину, это иной раз гораздо легче сделать, поскольку у неё свои, если, конечно, нащупаешь их, законы пластичности. И мой тебе совет: не ставь истину на голову, поскольку мы тогда и сами обычно не замечаем, что и наша собственная голова стоит не там, где ей следует. Это Ницше. А вот уже и другой, шутливый. Как говорил Марк Твен, когда вспоминаешь, что все мы сумасшедшие и безумцы, странное в жизни исчезает, и всё вокруг становится совершенно понятным.

— Это мне больше нравится, — вставил я. — А я дам свой. Нам только кажется, что мы всегда живем в реальном мире. По большей части, процентов на девяносто, — в вымышленном. Нами самими же. И, конечно, нас касается всё, что происходит в мире. Но нас касается и то, что в этом мире не происходит. Но могло бы. Это как те же границы света и тьмы, о которых говорила Евгения, о плене ограниченности, а по большому счёту — это

водораздел жизни и смерти. Утешительный для некоторых. Но и смертельный для многих. А впрочем, смерть стоит того, чтобы жить. А жизнь стоит того, чтобы умереть. Цена разная.

Меня иногда заносит туда, куда Макар телят не гонял, сам потом не знаю, как выбраться. Почти готовый пациент для Евгении Фёдоровны.

— Не понял, — сказал Юрий, почесав затылок. — По мне, так лучше жить в темноте с правдой, чем при свете во лжи. Время и обстоятельства требуют от нашего патриотизма иного качества, нежели в прежние годы народных бедствий. Надо уметь стоять за Россию не только головами, как на войне, но и головой. А истина здесь, Евгения Фёдоровна, ни при чём, хоть на голову её ставь, хоть этак. Должно прийти понимание происходящего. И мы должны теперь воевать не одним только оружием военным, как “Калибрами” в Сирии, хотя и это прекрасно, а и оружием духовным. Не только против видимых врагов, в образе солдат неприятельской армии, но и против невидимых и неосязаемых недругов. Поймём ли мы это наконец?..

Ответа не требовалось, мы с ним были полностью согласны. Ведь не только России, всему миру грозит Новый Вавилон. Мы как-то разговорились с Юрием и об этом. Да наших бесед с ним каждый вечер в первую неделю было так много, что всего и не упомянешь. А речь шла о том, что рядом со словом Божиим искони очищалось и слово русского языка. Рядом с гнилым словом загнивают и слова, окружающие его. Сейчас во всём мире всё приходит в духовный тлен и запустение. Но нельзя допустить, чтобы на тлен и запустение был обречён и русский язык, это, на мой взгляд, — в первую очередь. Мне как литератору ближе именно эта тема. Нельзя забывать библейское предупреждение: “Всяко гнило слово да не исходит из уст ваших”. Вышедший из Праязыка человечества, русский язык может и спасти его от окончательной гибели.

Ведь через Слово передаётся всё лучшее: знания, вера, благодать, любовь, надежда, правда. А главное — Истина. Вот потому-то я сам не устану повторять, что наш русский язык — это единственное ещё оставшееся наше драгоценное богатство, наша духовная опора и сила. А место нравственных идеалов русского народа всё больше занимают черты иных, более “престижных” менталитетов. Ставится задача лишения нас исторически сложившегося образа мыслей и чувств, преемственности векового духовного опыта. Этого допустить нельзя. Иначе “Новый Вавилон” погребёт под своими неминуемыми обломками и нашу Россию.

Я привёл в разговоре с Юрием такой случай. Нет, не я, сам Фёдор Михайлович Достоевский в своём дневнике приводит эту сценку. В глуши, в захолустье, на просёлочной дороге, хозяйка постоялого двора вдруг спросила его: “Батюшка, скажи ты мне, а как нас там за границей-то теперь порешили, не слыхать ли чего?” Подивился он тогда на эту простую женщину, которая своим крестьянским умом “дошла”, что нас, Россию, за границей то и дело “порешают”. А теперь, правда, ещё и внутри неё — верные клеветы “нового мирового порядка”, “Нового Вавилона”.

Но есть ещё и “русский порядок”, и “русская тайна”. Это будет посильнее “тайн” Юрия Шмакова. Лучшее всего смысл этого выразил обер-прокурор Синода Победоносцев, обращаясь к будущему Императору Александру III: “Где Вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвигнет на дело, Ваше ослабление и роскошь зальёт всю землю послаблением и роскошью — вот что значит тот союз с землёю, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога”. А эти слова относятся и ко всем русским. Надо помнить об этом, иначе и вся земля распустится...

Юрий тогда молча меня выслушал и только головой кивнул.

Итак, уже очень скоро мы стали вводить Шмакова в наш ближний и дальний круг. Пока только знакомили, без излишних комментариев, а дальнейшее было “делом техники” самого московского неофита. Но сначала я представил его своему давнему другу Сергею Огородову, серьёзному

историку и публицисту, умнейшему человеку нашего времени, которому у его аналитического предвидения и кропотливые изыскания в архивах, приводящих к поразительным открытиям, выход на широкие СМИ и федеральные каналы телевидения был перекрыт. Но его глубоко содержательные статьи всё равно, так или иначе, пробивались порой в печать (чаще под псевдонимом), а голос звучал по “Народному радио”, “Радонеж”, “Победа” и некоторым другим радиостанциям. Так что имя его было известно.

Юрий пришёлся Огородову по душе, тем более что в его лице он нашёл благодатного и внимательного слушателя. Всё запоминающего и самообучающегося. И в течение двух недель мы “обрабатывали” Шамакова, ведя с ним беседы на самые разные темы. Участвовала в них и Женья, когда была свободна от работы в клинике. Мы словно замешивали глину, готовясь вылепить Нечто. Может быть, нового человека. А Юрий оказался для этого очень хорошим материалом. Забегая вперёд, скажу, что позднее он в своих выступлениях практически использовал многие мысли и суждения Огородова, выдавая их за свои. Но Сергей был человеком не тщеславным, главное — что-бы зерно проросло.

Он внушал Юрию, что пока существует Россия, в какой бы ипостаси она при этом ни выступала, остаётся Третьим Римом, для которого у соборника мировой сволочи какой-нибудь “казус белли” всегда найдётся. А как бы ни именовался Глава “Третьего Рима”, он фактически исполняет обязанности самодержца (нравится это кому или не нравится, хочет он этого или не хочет). Как он при этом исполняет свои обязанности — опять же вопрос второй. Но надобно отдавать себе отчёт в том, что это фигура исполняющего обязанности монарха временно (даже если будет править бесменно до конца дней своих) и “Помазанником” быть не может. А подражателем — сколько угодно... Но нынешний Президент, перевыборы которого очень скоро, настолько умён, что никак и не подражает. И ещё надо добавить, что ни в коем случае нельзя заблуждаться по поводу того, что Россия — “Сердце мира” — сможет выжить, отказавшись от своей миссии, миссии Третьего Рима — Катехона. Как навязывали нам все девяностые годы, да и теперь возвращаются к этой утопичной либеральной мечте — сдать на милость Запада. Тогда нас просто уничтожат, и России вообще не будет как таковой.

— Кораблю, который не знает, куда плыть, никакой ветер не будет попутным, — гласит народная мудрость, — говорил он. — Но без главенствующей идеи вялотекущая “перестройка” бохохранимой страны нашей Российской никогда не закончится, а любое правительство будет только “временным”... В одной из своих недавних статей я отмечал, что без лишения частной собственности статуса неприкосновенности (этакой “священной коровы”) Россия никогда не вернётся на свой исторический, спасительный путь. Не вернётся потому, что не соблюдается непреложный “императив”, данный человечеству Сыном Божиим во время Нагорной проповеди: “Не можете служить Богу и мамоне!” Прибыль любой ценой и ссудный процент как благо — это гибель России! Также хочется напомнить власть предержавшим, что в “Уделе Пресвятой Богородицы” только нестяжатели могут быть пастырями и поводырями нашего народа, у которого желание “жить по справедливости” — в крови...

— А я о чём? О том же! — живо подавал голос Юрий.

— Но у России до сих пор нет самого главного — высшей идеи, цели. И соответствующего ей собственного Великого Проекта. Хотя, несмотря на 13 пункт Конституции и пресловутую “деидеологизацию”, идеология в РФ всё же присутствует, негласно. А служит она наживе, вернее, оправданию культа мамоны и сохранения “нажитого непосильным трудом”. Управляющая страной элита, не имеющая никакой стратегии и только уповающая на “добрые намерения” западных “партнёров” и неперемное соблюдение ими договора между “волком и овцами”, периодически заявляющая о вере в “невидимую руку рынка”, которая якобы всё исправит, напоминает голову без мозгов. Причём “головой” этой, в свою очередь, жонглирует та самая “скрытая рука”, “тайная десница”, о существовании и сути которой впервые написал почти сто лет назад бывший царский генерал Артемий Череп-Спиридович.

и объединение необходимо для спасения России, её “многонационального” народа от окончательного разгрома. Кто не готов к такому “развороту”, отрицает саму возможность компромисса и не готов поступиться “принципами”, забыть о стародавних обидах и претензиях, даже перед лицом смертельной опасности для всех — пусть отойдёт в сторону и дальше пребывает в мире грёз. Суровая “проза жизни” редко совпадает с книжными о ней представлениями, реальная политика зачастую далека от рассуждений “кабинетных мыслителей” и не терпит чистоплюйства, а ради большой на то нужды позволяет нарушать даже “каноны”. Две тысячи лет назад Сын Человеческий не зря изрёк: “Суббота для человека, а не человек для субботы”...

Далее. Личное всегда было и должно быть второстепенным по отношению к общему делу. А История не может быть дискретной. История и есть связь времён. Это та нить, которая соединяет смыслы и ценности предыдущих поколений с ценностями поколений последующих и даёт возможность считать нас единым народом во все времена. Ничего случайного в истории не бывает. Не был случайным явлением и обманувший мировых банкиров, “подморозивший мировую революцию” “бич Божий” Иосиф Сталин, который явился не коммунистом, но “новым изданием российского самодержца”.

Чтобы идти “правым” путём, надо восстановить надорванную “нить” русской истории. Суть именно в этом, а не в исправлении экономики. “Если у человека есть *зачем* жить, он может выдержать любое *как* — утверждал философ Ницше. Глупо с этим не соглашаться. Поэтому Президенту России можно только посоветовать не в экономике “леветь”, а в политике “праветь”. Не “консервировать мертвечину” и дальше, а начать возрождать традиции фактически, порвав со всем космополитическим и повернувшись лицом к национальному. В противном случае всё может пойти вразнос, а эволюция обернётся революцией...

Юрий живо интересовался всем, что говорил Огородов, иногда просил повторить что-то и “разжевать”, чтобы было более ясно. Словно готовился к своим будущим выступлениям на митингах. Однажды спросил:

— А что вы думаете о простых рабочих, земледельцах, вообще о трудовом народе?

И скромно добавил:

— Это основа моего будущего электората. Моя трудовая армия, если угодно.

Вот так, ни больше ни меньше. Сергей начал охотно рассуждать:

— Сначала надо определиться: какой “труд” ты имеешь в виду? Умственный, физический, а есть ведь ещё и духовный, “молитвенное стояние”, да не один день, как мы знаем из святоотеческих преданий. По три года, как стоял на коленях на камне преподобный Серафим Саровский. Будем считать, что любой человеческий труд во благо, не подразделяя его на более или менее престижные категории. Ведь ещё апостол Павел сказал: “Если не хочешь трудиться, то и не ешь”. Я сейчас намеренно обращаюсь к словам и поступкам святых, поскольку хочу отметить вот что. Люди же изначально не знали, что такое труд. Был когда-то так называемый “Золотой век”, когда земля давала по десять урожаев в год, а рыба сама плыла в сети. А Адам с Евой до грехопадения вообще ничего путного не делали, только нежились на солнышке. Это потом, вкусив от Древа Познания Добра и Зла (а большие знания — это и большие скорби), были изгнаны из Рая с грозным напутствием: “Будете в поте лица добывать хлеб свой”. Выходит, труд — это искушение за грехи? Может быть. Логически рассуждая, это так, но вся мировая история учит нас иному.

— Поясните, Сергей Фёдорович, поподробнее.

— Отношение к труду на протяжении веков претерпевало существенные изменения. Неизменным оставалось только одно: люди, не все, конечно, но всегда искали возможность пользоваться плодами чужого труда. В Древнем Египте, в античном мире труд считался презренным уделом рабов. А благородным существам полагалось созерцать, философствовать и проводить время в праздности. Миф о Сизифовом труде — отличная иллюстрация бессмысленности любой работы. Но уже в христианскую эпоху созрела идея

о значимости труда. Святой Фома Аквинский обозначил в своих учениях “теологию труда”: о справедливой цене за труд и греховности ростовщичества, предвосхитив тем самым теорию Маркса. Он писал, что труд — благороден, способствует духовному совершенствованию. Идеальным общественным устройством до сих пор считаются монастыри: подвижнический труд, ограничение в земных радостях, постничество, но при этом духовное “умное делание” и как награда — спасение души.

— Вот это мне ближе.

— А куда мы денем такие высказывания философов и классиков литературы, как Иммануил Кант? “Величайшее чувственное наслаждение, которое не содержит в себе примеси отвращения, — это, в здоровом состоянии, отдых после работы”. Или Стендаль: “Будем трудиться, потому что труд — это отец удовольствия”. Да и Хрущёв справедливо сказал одну дельную вещь: “Кто способен и может работать, но не трудится, тот обкрадывает тех, кто создаёт материальные и духовные ценности”. А как хороша русская поговорка: “Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а тот, кто по ней с сохой ходит”. Это лишь воры в законе считают западло делать что-то своими руками, кроме как залезать в чужой карман. Но подобная воровская “этика” с развитием современного криминально-олигархического дикого капитализма в России приобрела огромные размеры. Вспомните министра экономики Улюкаева или полковника Захарченко с его миллиардами. А ведь все они, что самое смешное, обязаны стоять именно на страже законности. А как вы думаете, справедливо ли то, что глава “Роснефти” официально получает зарплату несколько миллионов в день? Когда вокруг по всей России миллионы нищих? Впрочем, это явление глобального масштаба. И как на всё это глядеть глазами твоей “трудовой армии”? Да в неё только спичку брось, и всё взорвется.

— Вот-вот, — радостно потёр руки Юрий.

— Скажу больше. Систему превращения человека в винтики напрасно приписывают Сталину, она была разработана задолго до него американцем Фредериком Тейлором. Чтобы выжимать из людей всё до последней капли, давая взамен лишь крохи с барского стола. Сейчас за неё ратует наш олигарх, мультимиллиардер Прохоров, продвигая идею 12-часового рабочего дня. А жить когда? Никогда. За право жить и рожать детей тоже надо будет ещё заплатить. Такое время не за горами. Приведу цитату другого известного американского геостратега, Олдоса Хаксли, который ещё в 1921 году сказал: “С раннего детства людям будут прививать мысль, что счастья вне работы не существует. Власть имущие убедят массы в том, что они счастливы, только когда они работают, и в то же время каждый из них свободен делать то, что хочет. А всё, что они делают, — достойно и значительно. Самые жалкие из них будут чувствовать себя центром вселенной и, работая по много часов в день, убеждённые в своей значимости, они действительно будут счастливы, как человек никогда не был. Они пройдут через жизнь в убеждении, что это единственная достойная форма жизни, и из этого счастливого дурмана никому не будет дано выйти”.

В современной России, к сожалению, да и не только в ней, spolна выполняется программа Олдоса Хаксли. Население пребывает в этом “счастливым дурмане”: внешне они свободны делать, что хотят, то есть ничего не делать, но внутренне закрепощены незримыми путами, антидуховными установками. Это политика. Направленная на превращение людей в покорное травоядное стадо. Недаром существует выражение “офисный планктон”. Только планктоном этим теперь покрыты все мегаполисы. Есть лишь малая доля настоящих тружеников и подвижников, старателей-энтузиастов, сохраняющих человеческое достоинство и умение трудиться, но именно благодаря им, этому малому проценту населения, ещё и живы пока все остальные, включая власть имущих.

Женя, угощавшая нас чаем с баранками, сказала:

— У Гончарова в романе есть такая реплика, написанная словно для зажатого народа. Обломов обращается к своему слуге: “Слышишь, Захар?”

Зачем ты позволяешь себе не только думать, но даже говорить?" А говорить, мыслить надо. Приведу тебе такой пример из истории. В Александрии в далёкие времена жила умная и образованная женщина — Гипатия. Это она изобрела астролябию и много других полезных штучек. Трудилась по двадцать часов в день. Говорила своим ученикам: "Сохраняйте своё право думать, потому что даже думать неправильно лучше, чем не думать вообще". Потом пришли римляне, которым астролябия и другие ценные изобретения были совершенно ни к чему, подавай только "хлеба и зрелищ", и изрезали её тело на куски острыми ножницами для разделки устриц. Вот и у нас сейчас наступили какие-то "римские времена": зрелищ хоть отбавляй при почти полном отсутствии подлинной культуры и творческой мысли. По телевизору одни мыльные оперы, со сцен театров — голые задницы. Астролябии не нужны, мы на приснопамятной "Булгарии", которая пошла на дно под звуки поп-музыки. Так и не доплывём куда надо. Чем это может кончиться, опять же приведу пример из Древнего Рима. Последний его император Гонорий застал падение Рима в Равенне. Прибежал испуганный евнух и сообщил.

— Как Рим погиб? — вскричал Гонорий. — Да он же только что ел из моих рук!"

А "Римом" звали его излюбленного петуха. Когда же евнух пояснил, что пал город, разграбленный гуннами, Гонорий тотчас же успокоился.

— А, ладно, — ответил он. — А я-то, понимаешь, думал, что это мой любимый петух..."

Юрий посмеялся, я же невольно сравнил этого Гонория с нынешним президентом США Дональдом Трампом, не случайно весь истеблишмент этого "Града на холме" пронизан идеями Древнего Рима. Таков и конец будет.

— А самые главные современные идеи, — продолжал Огородов, — это "Обогащайтесь!", "Живи сейчас!", "Не дай себе засохнуть!" и так далее. И гламур с пошлостью и хохотом с экранов телевизоров и со страниц СМИ. Забыли евангельское предупреждение: "Горе вам, смеющиеся ныне". Или хотя бы вспомнили слова нашего замечательного художника-иллюстратора Ивана Билибина, который, находясь в эмиграции, в Каире, в 1922 году сказал, что напрасно все спорят о различных идеях и направлениях в культуре, их есть всего два: одно разлагает душу зрителя и читателя, другое возвышает её. Да вся русская и мировая классика построена на возвышении человеческой души. А современная отечественная литература, где превалирует мат, секс и кровь, проходит, увы, мимо незабываемых, но полузабытых нравственных ценностей. В том числе и мимо ценности труда. Но это и не литература вовсе, а так, масскульт, создаваемый для "счастливого дурмана", по Олдосу Хаксли.

Кто является главным героем нынешних "продажных" книжек? Олигархи, гламурные дивы, офисный планктон, братки да менты. Да и пишут их не профессионалы, а всё тот же офисный планктон, парикмахеры и невички. Встретите ли вы среди персонажей этих книг шахтёра, слесаря или сельского труженика? Да никогда! Они лишние на этом "празднике жизни". Их удел — быть морлоками из "Машины времени" Герберта Уэльса, жить во тьме и под землёй, чтобы не портить пейзаж. Читателю тем самым исподволь, но навязчиво прививается мысль, что труд, если только он не приводит к стремительному личному обогащению, это удел лузеров, лохов. Труд учителя, медсестры, библиотекаря, рабочего с завода, скупленного за бесценок каким-нибудь пройдохой, бывшим комсомольским или партийным работником. Вот пример для подражания, у таких *жизнь удалась*.

— А попади они на необитаемый остров, как Робинзон Крузо? — добавил я. — Или как в сказке Салтыкова-Щедрина про двух генералов, которых один мужик прокурмил? Я считаю, что знаменитая книга Даниэля Дефо про выжившего в невыносимых условиях благодаря неустанной работе потерпевшего кораблекрушение моряка — одна из самых лучших про человеческий труд... При Николае I был такой министр финансов Егор Францевич Канкрин, вроде нашего Кудрина, нацеленный лишь на прибыль. Может быть, для финансиста это и хорошо. Так вот, он сказал одну остроумную, хотя и циничную фразу: "Книги — это не товар, а вот навоз — это товар".

С последнего хоть какой-то навар можно поиметь. Книги, конечно, по большому счёту, и не должны быть товаром. У них иная шкала ценностей. Но как бы порадовался Канкрин в наши дни, видя полную коммерциализацию литературы, слыша, как раздаётся от неё не шелест страниц, а шелест денег. И как бы огорчился Лесков, ещё в том же девятнадцатом веке пророчески заметивший, что в России угасает дух ремёсел, а придёт время, когда он и вовсе исчезнет.

Сергей поддержал меня в этом “перекрёстном опылении”:

— Ещё один наш известный мыслитель Николай Бердяев в “Философии свободного духа” писал, что есть два прошлых. Прошое, которое было и которое исчезло, и прошое, которое и сейчас для нас как составная часть нашего настоящего. Второе прошое, существующее в памяти настоящего, есть уже совсем другое прошое, прошое преобразённое и просветлённое, относительно него мы совершили творческий акт, и лишь после этого творческого акта оно вошло в состав нашего настоящего. Именно подобное отношение к прошлому и составляет творческую основу подлинного писателя. Да любого грамотного и думающего человека, если уж на то пошло!

Нет, что ни говори, а идеология — это мать государства. Без сомнения, верно и заявление о том, что наша история — это сменяющие друг друга Империи. Мы жаждем Божественной справедливости, любая подмена её — гедонизм и прочее — катастрофа! И ещё: у русских есть социальное желание увидеть то, что они построили... Суть моих претензий и предложений кратко можно свести к следующим пунктам. Государство должно, наконец, вспомнить о народе; идеология необходима и должна быть закреплена в Конституции; необходимо прекратить воровство, все должны быть равны перед законом; господствующему классу нужно прекратить врать о справедливости и начать заниматься наведением элементарного порядка.

— Можно ещё попробовать активировать вулкан в Йеллоустонском заповеднике, — пошутил я.

— Тогда не только Америка, но и половина человечества погибнет, — серьёзно ответил Сергей. — А к сказанному хочется добавить два момента. Первый. Правящая элита, что бы она ни болтала про патриотизм, обособившись от народа и надеясь на толщину кошелька и скрытые гарантии, данные ей Западом, проводит самоубийственную политику. Возможно, даже не вполне отдавая себе в этом отчёт. Нет ротации в высших эшелонах власти, кадры только периодически “тасуются”, нет “знаковых посадок”, а конкуренция сводится к соперничеству между теми, кто переворачивал и успокоился, и теми, кто недоровал и суетится, не удовлетворяясь своим нынешним статусом.

Дымовая завеса “стабилизации” развеивается, времени для спасительных ходов всё меньше, но реального ничего не делается. Ну, кроме арестов некоторых губернаторов. А показательные порки вслед резонансным преступлениям и всплеск активности на время шумихи — “мёртвому припарки”, попытка уйти от ответственности, переложить вину за просчёты “ручного управления” на проштрафившихся вассалов, которые есть плоть от плоти взрастившей их системы, её закономерность. Истинные виновники, вроде пресловутого Чубайса, почему-то всегда неподсудны, наделяются высочайшим “иммунитетом” и вообще по отношению к их злодеяниям рядовые граждане России должны быть слепы и глухи.

Момент второй. Не раз говорено мудрецами: выгода погубит мир. Мы ничего не сможем изменить, никакой глобальный проект нам не поможет, пока нарушается Божественное предупреждение, повторю: “Не можете служить Богу и мамоне”. Никакого движения вперёд не будет, если останемся идолопоклонниками и не сломаем “кащееву иглу” — пресловутую “неприкосновенность частной собственности”, возведённую в степень “священной коровы”. Ради чего, собственно, и была совершена контрреволюция 1991 года. И если не произвести десакрализацию этого принципа — обожествление богатства, тем паче лихоимства, — ни о каком возрождении России, ни даже о сохранении того что есть, речи быть не может. Это тушик, выход из которого — взрыв и хаос.

В этой “точке” перед нами, точно как перед былинным “витязем на распутье”, вырастает из земли “вещий камень”. А на нём — всё те же строчки: “Направо пойдёшь — коня потеряешь, себя спасёшь. Налево пойдёшь — себя потеряешь, коня спасёшь. Прямо пойдёшь — и себя, и коня потеряешь”.

Для России сегодня, как и для этого богатыря когда-то, прямой путь заказан. Либо “направо”, либо “налево”. Понятно, что при таких “исходных” любой здравомыслящий человек выберет путь “направо”. Хотя, к большому сожалению, у нас хватает и господ “не в своём уме”. “Направо” — что же это такое? Приведу толкование надписи на “вещем камне”. “Конь” — животная природа путника, “всадник” — природа человеческая. Пойти “направо” — значит пойти стезёй Правды: победить в себе животное начало началом человеческим, следовать общественной праведности. Пойти “налево” — значит пойти стезёй Кривды. Высвободить своё животное начало в ущерб человеческому, отринуть все общественные устои. То есть “оскотиниться”. Повернём ли в итоге на путь Правды — большой вопрос, но это толкование тебе, Юрий, очень пригодится. Итак, “правое” — Правда, “левое” — Кривда, а “отец лжи”, он же “обезьяна Бога”, всем известно, кто. Это главное и принципиальное, особенно для страны, издревле именуемой “Царством правды”. А с остальным постепенно разберёмся.

— А об Украине вы что думаете? — спросил напоследок Юрий.

— Если коротко, — ответил Сергей, — то по отношению к России и русским, без жертвенности которых никакой Украины и в помине бы не было, — это “недобрый тон”, “погані манеры”. Здесь “погані” можно трактовать не только в самом простом смысле — поганые, но и в более глубоком — языческие. То есть отношение Украины к России не христианское (братское, с любовью), а как к “язычнику и мыгтарю”.

В геополитическом плане — это игра против России на стороне Запада; в эсхатологическом — удар по Удерживающему, измена мессианской идее Третьего Рима. Поэтому то, что творится сейчас на Украине, — не просто избавление от “оккупации москалей” и долгожданное торжество ультранационалистов, а изгнание русского духа и убийство русского в себе, отказ от “богоносности”. Это страшно не столько даже для России, сколько для душ именующих себя христианами украинских бунтарей, одержимых своей “исключительностью” и нафантазированным “первородством”.

Оттесняющие от власти “неотроцкистов” необандеровцы — последняя надежда Глобального фашистского проекта Америки, которая бьётся в конвульсиях. Этот боевой авангард русофобов, уже развязавших у себя гражданскую войну и готовых ринуться на Россию. Это несчастные, заблудшие люди, с которыми История сыграет злую шутку: сначала они “зачистят поляну” под знаком свастики, а потом их зачистят космополиты ЕС, предварительно сделав “пугалом” для международного сообщества...

5

Юрию Шамакову нужна была особая биография. “Легенду” для него мы тщательно разработали все вместе. Это совершенно необходимая вещь для разведчика, работающего “под прикрытием” (в данном случае — под нашим, моим и Женей). Но об этом чуть ниже. Пока что продолжалась “обработка” будущего “вождя революции” Сергеем Огородовым. Он втолковывал:

— В сакральном пространстве человек всегда ищет учение, которое позволит ему почувствовать себя сотрудником, соратником, соавтором Творца. Это один из постулатов жизни. Надо задавать себе только один главный вопрос: в чём смысл жизни? Человек создан для того, чтобы исправить свой уровень устремлений, достичь объединения всех устремлений в форме их употребления с пользой. Проще говоря, как правило, первый уровень устремлений — это еда, секс, семья. Второй — богатство и деньги. Третий — почёт и слава. Четвёртый — знания. Пятый — собственно смысл жизни.

В этой беседе принимала участие и Евгения, она добавила огонька к разговору:

— Существует пять типов строя психики людей. Давайте, разберём их. Первый — “Опущенные в противостоительность” (наркоманы, маньяки, извращенцы и прочие). Они — следствие концептуального управления по Ветхому Завету. Второй — “Животный тип”. Всё подчинено инстинктам и стереотипам — “хлеба и зрелищ”. Третий — “Биороботы-зомби”. В этом случае в основе поведения лежат культурно-обусловленные автоматизмы. Это работники разных корпораций, тот же “офисный планктон”. Люди с “промытыми мозгами”. Нейролингвистическое программирование — один из инструментов подготовки таких людей. Четвёртый — “Демонический строй психики”. Его носители способны переступить через диктат инстинктов и нормы культуры, но нередко, обретая власть в обществе, “демоны” требуют безоговорочного служения себе, порождая самые жестокие и изощрённые формы подавления окружающих. Гитлер и так далее. И, наконец, пятый строй психики — “Человеческий”. Он характеризуется тем, что каждый его носитель осознаёт миссию человека — быть наместником Божиим на Земле. Соответственно этому он выстраивает свои личностные взаимоотношения с Богом осмысленно, волевым порядком искренне способствует осуществлению Божьего Промысла так, как это чувствует и понимает, исходя из того, что Бог говорит с людьми языком жизненных обстоятельств. Языком любви, добра, совести.

— А это и есть незамутнённый истинный Праязык человечества, — дополнил я. — Однако в современной земной цивилизации количественно доминируют, увы, первые четыре типа строя психики людей. Но мы всё-таки сохраняем надежду на носитель древнего допотопного истинного Праязыка человечества — на русскую цивилизацию, которой завещано Слово Божие.

Я взял заранее приготовленную книгу, открыл её на нужной странице и сказал:

— Вот, смотри. Через двенадцать лет после создания “Вия” тема “страхов” и “ужасов” вновь возникла в творчестве Гоголя, но уже совсем иначе. “Страхи и ужасы России” — так назвал Гоголь одну из глав книги “Выбранные места из переписки с друзьями”. Отвечая на письмо своей знакомой, полное тревожных и, может быть, даже панических настроений, Гоголь написал: “В России ещё брезжит свет, есть ещё пути и дороги к спасению, и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже. Ваши слова: “все падают духом, как бы в ожидании чего-то неизбежного”, — равно как и слова: “каждый думает только о спасении личных выгод, о сохранении собственной пользы, точно, как на поле сражения после потерянной битвы всякий думает только о спасении жизни: *sauve qui peut*”, — действительно справедливы; так оно теперь действительно есть; так быть должно: так повелел Бог, чтобы оно было. Всяк должен подумать теперь о себе, именно о своём собственном спасении. Но настал другой род спасенья. Не бежать на корабле из земли своей, спасая своё презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спастись себя самого в самом сердце государства. На корабле своей должности и службы должен теперь всяк из нас выноситься из омула, глядя на Кормщика небесного... Нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому должна быть и выполнена так, как повелел Христос, а не кто другой. Только одним этим средством и может всяк из нас теперь спастись”. Очень простой и ясный совет, рассудительные слова, применимые и к сегодняшним “страхам” и “ужасам” России. А ведь нынешняя нечисть в государстве, вся эта либеральная “пятая колонна” не менее мерзка, коварна и обольстительна, чем в гоголевском “Вие”. Надо только не бояться её. “Не вытерпеть и глянеть”.

— А вот то, что случилось на Украине, — это и есть “Вий”, — заметила Евгения. — Вы знаете, в психиатрии есть такой термин: “Синдром Кандинского”. Это был известнейший русский психиатр, ещё в дореволюционной России. Брат знаменитого художника-авангардиста. Он выдвинул такую теорию. В любой толпе всегда найдутся один-два сумасшедших. Активных бессознательных безумцев. Толпа сама по себе бесноватая, а вирус грушники клинических шизоидов быстро распространяется на близстоящих.

— Близпрыгающих, — поправил Сергей. — Близскачущих.

— И вскоре их становится всё больше и больше. Тридцать человек, сто, тысяча. И вот уже весь майдан скачет и что-то выкрикивает, короткое и в рифму. Да если ещё подбросить каких-нибудь психотропных средств... Распылить что-то, добавить в чай... Потом ареал болезни распространяется ещё дальше. Район города, весь город, область, страна. А затем сумасшествием охвачена уже вся Украина. Или Россия в феврале семнадцатого.

Огородов одобрительно кивнул головой и продолжил:

— Тут надо учесть и вот что ещё. Русские и украинцы в геополитическом смысле, не в этнографическом, семейном, бытовом, а именно в “имперском”, никогда не были братьями. Украинская местечковая элита всегда на подсознательном уровне ненавидела Россию, русских. И стремилась навязать свои идеи низовому слою. Иногда им это удавалось. А в мировой истории таких примеров много, когда такие “национальные братья”, относящиеся к одной языковой, религиозной и культурной среде, столетиями ненавидели друг друга и враждовали. Англичане и ирландцы, сербы и хорваты...

— А ведь соседи, и никуда друг от друга не улететь, — добавил я. — А Россия, как они это не поймут, — грандиозная страна, в истории и в современной жизни которой причудливо сплетаются самые разнообразные идеи, веяния и влияния. Путь её необычайно сложен, не во всём ещё и разгадан, она всегда в движении, и мы можем лишь гадать, как сложится её судьба. Так говорил наш великий композитор и страстный патриот Георгий Свиридов. Которому упорно отказываются ставить памятник в Москве... Он писал в своих дневниках, что история России необыкновенно поучительна, она полна великих свершений, великих противоречий, могучих взлётов и исполнена глубокого драматизма. Мазать её однообразной густой чёрной краской напополам с экскрементами, изображая многослойную толщу её народа скопищем дремучих хамов, жуликов и идиотов, коверкать сознательно, оплошлять её гениев — на это способны лишь люди, разлагающие народ с целью сделать его стадом в угоду иностранным туристам, современным маркизам де Кюстинам или просто обыкновенным европейским буржуа. Такая точка зрения на Россию совсем не нова! Достоевский гениально обобщил подобные взгляды и вывел их носителя в художественном образе. Это Смердяков. Однако загостились что-то эти иуды и смердяковы на русской земле...

Сергей стал развивать мои размышления ещё дальше:

— Александр привёл слова Гоголя о спасении. А по Достоевскому человек должен вынести бремя свободы, чтобы спастись. Но как он понимал это “бремя свободы”? В “Легенде” Великий Инквизитор говорил о “таком страшном бремени, как свобода выбора”. Тема разрабатывается в трагическом ключе; рассудок формулирует задачу так, что разрешение её кажется непосильным для человека... В “Легенде” разыгрывается только одно действие драмы о свободе. Развёртывание и углубление темы происходит за пределами “Легенды”. Там выделяются два сюжета. Первый — свобода как испытание. Без Христа испытание свободой разрушает человека, приводит к своеволию Ставрогина и к “новой и страшной свободе” Кириллова. Для человека, остающегося только существом тварным, только телесно-душевым человеком, свобода в её полноте — непомерная, убийственная тяжесть; он гибнет, раздавленный ею. Второй сюжет — свобода как подвиг. Огромная трудность в том, чтобы соединить богоподобную свободу человека с благом и божественной красотой. Это, по Достоевскому, возможно только с Христом, в богочеловеческом процессе, в подвиге христианской любви. Здесь высшая и “единственная свобода — победить себя.

Философ Леонтьев писал, мол, как мы отречёмся от того душевного наследия, от тех вековых привычек, которые перешли преемственно к нашему народу? “Мы не можем, не разрушая Россию, заставить организм её иметь других предков, принять не тот тип, который он от них наследовал”. А ведь именно это и пытаются сделать с Россией, прикрываясь сладкими фразами о социальной справедливости, но продолжая брэнчать в карманах чуждыми стране либеральными ценностями. И ещё. “Страхи” и “ужасы”, о которых говорил Александр, вернее, Гоголь, были, есть и будут всегда.

Как и дикий хохот, когда тебе показывают какую-нибудь глупость. Это всего лишь формы воздействия на человеческую психику. Вот и наш русский гений Пушкин как-то сказал, что есть всего три основные струны, которые трогают сердце читателя с наибольшей силой. Какие? Смех, ужас и любовь. Я прав, Женя?

Она несколько уклончиво ответила:

— Это слишком сложная тема. Не столько психиатрическая, сколько гомеопатическая. Филипп Бейли в своей “Гомеопатической психологии” проанализировал конституциональные типы в соответствии с системой четырёх элементов. Что это такое? С глубокой древности четыре элемента — Земля, Воздух, Огонь и Вода — являлись теми символами, которые позволяли человеку отразить различные качества как собственной природы, так и явлений окружающего мира. Они соответствуют четырём темпераментам средневековых врачей, известным как флегматик, сангвиник, холерик и меланхолик. Например, Юрий у нас настоящий холерик, Сергей — сангвиник, Александр — меланхолик, я — флегматик. Насколько мне известно, первенство здесь принадлежит Карлу Юнгу, который сделал свою классификацию более наукообразной, используя функциональные термины для описания четырёх личностных типов. Так, “земной” тип он назвал чувственно-ориентированным, “воздушный” — интеллектуальным, “огненный” — интуитивным или вдохновенным, а “водный” — эмоциональным. Его описания четырёх типов по смыслу очень близки к средневековому пониманию четырёх темпераментов, а также к психологической астрологии.

— Ну, и кто я? — нетерпеливо спросил Шмаков.

Евгения Фёдоровна с усмешкой посмотрела на него.

— Давайте сначала уточним качества каждого элемента. “Земля” символизирует физические чувства и ощущения. Эти люди преимущественно чувственно ориентированы. В основе их взгляда на мир лежит работа пяти органов чувств, и это делает их практичными и любящими определённую среду. Если они не могут что-то потрогать или пощупать, для них этого не существует. “Земные” люди — наиболее практичны из всех и исполнены здравого смысла. Они сосредоточены на материальной реальности, находящейся прямо перед ними, а не на эмоциях и не на воображении. Они практичны, надёжны, предусмотрительны, упрямы и часто не отличаются гибкостью мышления. Нередко они любят физические удовольствия, поскольку их жизнь протекает в основном в сфере их органов чувств.

“Воздух” символизирует интеллектуальные способности. Люди с преобладанием этого элемента живут преимущественно своей головой и своими мыслями, не очень-то прислушиваясь к эмоциям или физическим ощущениям. Они склонны всему давать рациональное объяснение, классифицировать и подвергать логическому анализу. “Воздушные” люди могут посмотреть на проблему со стороны, имеют более широкий взгляд на вещи и могут оперировать абстрактными понятиями. Этот элемент способствует отстранённому и расслабленному подходу к жизни, а также сохранению юношеской внешности.

Что такое “Огонь”? Это элемент личного магнетизма, веры, храбрости и вдохновения. Это также элемент эгоизма, страстного желания и гнева. “Огненные” люди оптимистичны, самолюбивы и нередко страдают эгоизмом и эгоцентризмом. Как и Воздух, Огонь — элемент интеллекта, но если “воздушный” интеллект аналитичен, то интеллект Огня замешан на вдохновении и интуиции. Огонь вдохновляет гениев, идеи которых потом детально разрабатывают “воздушные” интеллектуалы, а воплощают в жизнь “земные” практики.

Ну, а “Вода” — это элемент эмоций. “Водные” люди очень эмоциональны. Обычно они чувствительны и заботливы, а также обладают развитой интуицией. А вот кто есть кто — выбирать тебе, Юра. Вернее, уже не выбирать. Каким ты рождён, таким и будешь. И здесь уже трудно будет что-либо изменить. Попробуйте угадать, кто вы, исходя из моих слов.

На этот раз она лукаво прищурилась, глядя на нас. А я для себя уже решил, что Шмаков — это, несомненно, “Огонь”. Сергей Огородов, скорее всего, “Воздух”. Евгения — “Вода”. Ну, а мне ничего не остаётся, кроме “Земли”. Хотя я бы не отказался и от всех других элементов.

Жена моя вдруг тяжело вздохнула и сказала:

— Вот слушала я вас, слушала, а на ум мне почему-то пришла такая мысль. Я недавно вновь открыла Евангелие и случайно наткнулась на слова Иисуса: “Иди за мной и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов”. И поняла, что мы живём в мёртвом мире, в котором испокон веков длится нескончаемая война. И где уже давно не живые хоронят мёртвых, а ровно наоборот.

Юрий хотел что-то переспросить, но она остановила его жестом руки и продолжила:

— Как я понимаю эти слова Иисуса Христа? А так. Человек спрашивал позволения прежде проститься с близкими, похоронить их. И получил в ответ: оставь отца своего и ступай за мной. И мне стал ясен их смысл. И эта фраза: “Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия”. Понимаете? Нельзя озираться назад. А перед глазами вдруг у меня нарисовалась такая мысленная картина.

Она немного помолчала, словно собираясь с духом.

— Идут мертвецы, которые отчего-то могут двигаться, и несут на своих плечах гробы с другими мертвецами, которые сами двигаться не могут. Вот доносят их до длинного ряда очередных могил. И складывают в них свою страшную ношу. Освобождаются от неё. Гробы теперь пустые. Но легче мертвецам от этого не становится. Потом они сами добровольно ложатся в опустошённые гробы. А их уже принимают на свои плечи те, кто шёл позади них, в конце этой траурной процессии. И так до следующих могил. Круговорот братьев-мертвецов в гробах и могилах. Кто тут жив? Те ли, что несут мертвецов? Или те, кто лежат в гробах? Но ведь после пройденного круга они сами становятся неподвижными мертвецами...

— Ужасная картина, — тихо промолвил Юрий. — А куда мы сами идём, что делаем, чего хотим?

— Не знаю, — честно призналась Евгения Фёдоровна. — Но чувствую другое. Помните Пушкина? “У Лукоморья дуб зелёный...” А теперь постараюсь объяснить смысл того, что он хотел выразить в своей сказке. Главное — это образ дерева и та излучина, которая впоследствии вынесла русскую жизнь в море безбожия. Пушкин предугадал это, пытался предостеречь. А сам образ зелёного древа архетипичен. Это значит, что не только пушкинские стихи о Лукоморье могут вспомниться нам, взирающим на него, но и Мамврийский дуб патриарха Авраама, и стихи Псалтири, в которых человек, живущий по заповедям Господним, уподобляется древу, насаждаемому при “исходящих водах”, как в Библии.

— Древо как образ мироздания? — спросил я. — Вот тебе и Лукоморье.

— Ты прав, Саша. Именно образ мира. Это Древо мы видим и на иконе Пресвятой Троицы Андрея Рублёва — за образом Бога Сына. Так что Пушкин далеко не сказочник, а пророк. Помни об этом, Юрий. Уж коли хочешь занять своё место в этой страшной очереди...

6

В июне мы стали вывозить Юрия “в свет”. Для нас это стало вроде азартной игры, которую вдруг предложила судьба “теплохладным” летом 2017 года. Главное, что правила, как нам тогда казалось, устанавливали мы сами. Нам было, честно признаться, забавно и даже весело, поскольку ничего подобного в жизни не наблюдалось. Но Юрий ко всему происходящему относился очень серьёзно. Свою роль играл мастерски, как талантливый провинциальный артист. Счастливец или Несчастливцев, не важно. Пусть даже своих реплик у него было пока что мало, но “суфлёры” за него работали грамотно.

Деятельное участие во всём этом принимала и жена Сергея Огородова Наташа, которая, разумеется, была посвящена во все тонкости и активно взялась за продвижение Шмакова наверх, на большую сцену “больших и малых императорских театров”. Дама она была симпатичная, спортивная, бойкая, острая на язык, решительная и в любой компании всегда, как правило,

оказывалась в центре внимания, благодаря своему остроумию и неудержимо-му “потоку сознания”. К тому же, занимала высокий менеджерский пост в одном продуктовом холдинге и имела обширные связи в кругах среднего бизнеса. А привлечь инвесторов к нашему “проекту” было необходимо. Без финансовой подпитки “телега” с места не сдвинулась бы.

Привлѣк я и других людей, не раскрывая секреты “появления” Шмакова “на свет”. Я представил Юрия некоторым знакомым журналистам, как левого, радикального, так и правого толка, литераторам, известным писателям, главным редакторам патриотических газет, телеведущим и популярным телеперсонам (в моём багаже всякие водились). Ещё — с лидерами различных общественных движений. А также с оказавшимися в моей “обойме” парочкой-тройкой депутатов Госдумы и их помощниками, которые числились в моих старых однокашниках ещё со студенческих лет. А дальше уже пошла “цепная реакция”. Мои приятели знакомили его со своими, те вlepую “вели” Шмакова дальше.

Один из них свѣл его с Верховным Атаманом Всероссийского Казачьего Войска Филькиным, который ещё в девяностые годы сам себя на эту должность и назначил. Одна фамилия чего стоила! Самозванец, конечно, много таких “Главных Атаманов”, но других под рукой не было. Кто-то вывел его на руководителей фондов ветеранов афганской и чеченских войн. Пригодится и это. Другой привлѣк его к российскому монархическому сообществу. Сергей Огородов водил Шмакова за собой на собрания “Исторического клуба”, на военно-патриотические мероприятия, знакомил с отставными работниками спецслужб, генералами “на отдыхе”, с деятелями аналитических структур.

Жена также не теряла времени даром. У неё были обширные связи не только в церковной среде, но и в научной, профессорской, в мире медицины и фармакологии, вернее, в гомеопатии. Среди новых знакомых Шмакова оказались настоятели некоторых московских и подмосковных храмов, протоиереи, православные публицисты и пропагандисты с радиостанций, даже один викарный епископ из Отдела внешних церковных связей Патриархии. Более того, у Юрия появился выход на Зарубежную Церковь. И, конечно же, на деловых людей из числа бизнесменов и бизнес-women.

И плоды не замедлили сказаться. По разработанной нами “легенде”, он был круглым сиротой, мать оставила его в роддоме, и мальчик рос в детдоме (к чему афишировать дурную наследственность?). Однако представлять его “белым и пушистым” также было нежелательно. Поэтому ещё в детстве Юра якобы связался с плохой компанией, хулиганил и воровал, за что частенько попадал в милицию. Тюремного срока избежал лишь по счастливой случайности. Да и учёба давалась ему с большим трудом. Но как-то раз во сне ему явился Николай Угодник. Назидания святого подействовали, и наутро он проснулся уже вразумлённым и преображённым. Душа и сердце Юрия воспылали верой и любовью, а ум возжаждал науки и знаний. Порвав с дрянными приятелями и девчонками, он окончил школу с золотой медалью, а потом честно отслужил в десантных войсках. Последние полгода — в группировке наших войск в Сирии. Воевал добровольцем на Донбассе за Новороссию.

Был ранен в ногу и голову, имеет боевые награды. Экстерном закончил филиал университета государства и права (нашли в интернете некое заведение, торгующее липовыми дипломами, даже “красный” ему приобрели). Тут пришлось несколько подразозриться. Но игра стоила свеч. Решили уж сыграть по-крупному, ва-банк. А для большей солидности мы прибавили Юрию года три. Заодно, конечно же, и приодели его во всё новое, кожаное и молодѣжное. У жены нашлась подруга — стилист и дизайнер одежды.

Если мы с супругой были этаким семейным скульптором Пигмалионом (не путать с Церетели!), то Юра прямо на наших глазах превращался в цветущего молодого человека. Не мифологическую Галатею, а реального Галатата, полного жизненных сил и творческих планов, с изломанной поначалу судьбой, психикой и нелѣгким прошлым, но взявшего свою волю в кулак, преодолевшего все невзгоды и “сделавшего”, по сути, “сам себя”. Чем не

пример для подражания другим парням с российских окраин? К созданию этого полудеяльного образа мы и стремились. Что ещё надо, чтобы покоришь столицу? Каких ещё “золотых рыбок”? Достаточно и тех, что мы ему совместно наловили. Таким образом, проделанной в течение месяца работой нами был частично и в меру сил охвачен практически весь креативный срез столичного общества: политический, информационный, религиозный, экономический. Работали грамотно. Нам с женой и самим было любопытно узнать, что из всего этого выйдет.

К исходу июня, помелькав на различных встречах, собраниях и презентациях, в Доме журналистов, в ЦДЛ, в Солженицынском центре и на других общественных площадках, Шмаков обкатался и отшлифовался, стал чувствовать себя ещё увереннее. Вставал рано и ложился поздно, много читал, изучал историю и современную геополитику, не вылезал из интернета, иногда вообще не спал двое суток подряд. Его жизненной энергии хватало на всё. А некоего внутреннего магнетизма — на всех. Словно в его венах текла кровь, смешанная с ртутью, а жилы состояли из скрученной стальной проволоки. Работоспособность показывал потрясающую. Напоминал самообучающуюся машину. Шагающий компьютер нового поколения, словно ему в лоб вшили ультрасовременный технологический чип.

Он уже не ходил за нами, как собака, а сам “вертел хвостом” и активно вмешивался во все дела, принимая порой какие-либо решения самостоятельно. И кто ещё тут “собака”, а кто — “хвост”, надо было посмотреть. Так, например, он убедил Верховного Атамана Филькина дать “добро” на создание Христианского Казацко-Стрелецкого Войска, призванного заниматься благотворительной деятельностью. А руководителем его был назначен новоиспеченный есаул Шмаков. Финансовое обеспечение ему помогли найти друзья Сергея Огородова и Наташи. В монархическом сообществе он также получил какую-то должность. Каким-то образом стал одним из советников представителя Русской Зарубежной Церкви в Москве. А ещё получил корочку помощника моего знакомого депутата Государственной Думы. Таковых у того было несколько десятков, не жалко. Но и это ещё не всё. В качестве обозревателя он начал выступать в некоторых газетах и журналах, а чуть позже его ввели в члены редколлегии парочки печатных органов. Правда, малозначительных.

А официально зарегистрированное в Минюсте ХКСВ (Христианское Казацко-Стрелецкое Войско) стало любимым детищем Юрия. Его основной будущей опорой. Набрал с десяток помощников и соратников, он стал ездить по военным и гражданским госпиталям, одаривать находящихся там на лечении раненых пациентов патриотической литературой, иконками и настенными крестиками, зубными щётками и апельсинами. К финансированию этой деятельности подключились и фонды афгано-чеченских ветеранов, а он сопровождал их делегации в гарнизоны. Участвовал во всех значительных крестных ходах, неся в первых рядах портрет Николая Второго.

Мэрией Москвы, благодаря усилиям Наташи Огородовой и Евгении Фёдоровны, Шмакову было даже выделено скромное помещение на окраине столицы с телефоном, факсом и арендованным рядом складом под продукты питания, носильные вещи, церковные атрибуты и книги, которые предназначались пациентам больниц и госпиталей. Но жил он по-прежнему у нас. Мы координировали его деятельность, здесь был главный штаб, мозговой центр всей операции. Или проекта “Хомо рус”, как я его называл мысленно, продолжая писать свой роман “Человек под лавкой”. Хотя “хвост”, повторю, уже всё больше и больше начинал вертеть “собакой”. Многими “собаками”, если точнее.

Конечно, лето — мёртвый сезон для политической, да и для любой другой деятельности. Затянулось. Время отпусков. Вот почему появившиеся (организованные мною) небольшие статьи и заметки о Шмакове в некоторых газетах остались практически не замеченными. Как и его выступления по “Народному радио”. Но зато он пока набирал очки и баллы на других фронтах. Иногда не согласовывая этого с нами. Он вошёл со своим Войском в Центральный Монархический Союз России. Стал у одного из моих знакомых

сенаторов в Совфеде консультантом по Тверской области. На созданном нами для него сайте в интернете постоянно публиковал свои опусы, тексты и призывы. Звучал всё громче и громче. Работал неустанно, изо дня в день. Вот что мне в нём особенно нравилось — трудолюбие, приверженность делу, неотступность цели. И ещё — трезвый образ жизни, никаких вредных привычек и излишеств.

Юрий писал статьи и воззвания, ездил по храмам и монастырям, по подмосковным клубам и библиотекам, выступал на всяких форумах и собраниях, встречался с продвинутой молодёжью, с фанатами футбольных клубов, с инвалидами и обманутыми дольщиками, с пенсионерами и с ветеранами спецслужб, с разорившимися предпринимателями и представителями малого и среднего бизнеса, с проправительственными и оппозиционными активистами. Лично учредил несколько общественных наград (медальки, грамоты) от своего детища — ХКСВ — и торжественно вручал их нужным людям. А вскоре заимел доступ и к наградным атрибутам Центрального Монархического Союза России.

И к концу августа его фигура начала приобретать определённый реальный вес и духовную плоть. Становилась узнаваемой, складывалась в любопытный домик из своеобразных “кубиков легио”, которые были разбросаны до сей поры как попало. Однако моя жена первой почувствовала что-то неладное во всей этой нашей затее. Поняла, что мы двигаемся куда-то не туда. Слишком уж заигрались. А женскую интуицию не проведёшь. Это как барометр во время надвигающейся среди ясного дня грозы. Но в чём причина её вдруг возникшей тревоги?

Как психиатр, она постаралась мне объяснить. Соблазны приходят отовсюду. Человек слаб. Но сказано ведь: тех мест, которые подают тебе случай к падениям, избегай, как бича. Поскольку, когда мы не видим запрещённого плода, то не так сильно его и желаем. Это сказал Иоанн Лествичник. А “запрещённые плоды” сейчас развешены на каждом втором дереве, продаются во всякой продуктовой лавке по рублю за пучок. Навязчиво рекламируются по “ящику” и всучиваются даром. Чтобы и сами русские люди стали генномодифицированными. Окончательно превратились бы в овечье стадо или вообще в масскультурные растения и самоуничтожились.

Что ж поделаешь: такова цель мирового финансового олигархата, тут война не на жизнь, а на смерть. И нам нельзя проиграть. А что же основная масса теплохладных? Глупы люди-потребители, верящие всему, что говорят победители. А если победят другие, то поверят и им. Верят словам, а не своим глазам. Ухо бежит впереди ока, а собственные мысли вообще плетутся в хвосте коллективного разума. “Синдром Кандинского”, говоря словами жены. Но даже если это и случится, то судьба “победителей” также будет незавидна. Они будут трижды прокляты во веки, как хамы, иуды и каиниты, а с собой в ад даже ржавого гвоздя не захватят. Потому как сказано другим святым: не собирайте сокровища на земле, где моль и ржа подтачивают и где воры подкапывают и крадут.

Обо всём этом мы теперь часто и долго рассуждали с женой наедине, пока Юрий выступал на каком-то очередном собрании или санкционированном митинге. Он уже начал сколачивать своё молодёжное движение, получив добро, как мы предполагали, от спецслужб и заручившись поддержкой кое-кого в Госдуме, Администрации Кремля и широкую огласку в СМИ. Христианское Казачко-Стрелецкое Войско, составившее ядро новоиспечённого политического образования, обростало апологетами, сподвижниками и клеветками. Имело даже свой юридический адрес, печать, гербовые бланки и финансовый счёт в банке.

Спонсорская помощь и пожертвования шли постоянно и с разных сторон. Даже из-за границы, от Зарубежной Церкви и эмигрантских монархических организаций. Ведь Шмаков вполне разумно и логично анонсировал в газетах и в эфире своё детище как патриотическое, русское, православное,

верное идеалом святой Руси и последнего царя-мученика. Но без черносотенного национализма. Это притягивало.

Отечественные предприниматели-патерналисты, настроенные пророссийски, также не отставали. Да и бизнесмены-компрадоры всегда были большими любителями класть свои сырые яйца в разные корзины. Даже “политические беженцы” из Лондона “отметились” на всякий случай. Последние крохи слали пенсионеры и продвинутые студенты со своих нищенских стипендий. Денежный ручеек был пока не слишком велик, но со временем, при грамотной работе, обещал разлиться в полноводное русло.

Наши с Огородовым жёны плюс ко всему надумали Юрия Шмакова оженить. Идея эта, собственно, принадлежала неугомонной Наташе, но Евгения поддержала. Поскольку семейный человек по определению становится более спокойным и рассудительным, а за психику нашего Галатата она уже начинала волноваться. Как-то раз они устроили девичник в квартире Сергея, когда тот был на работе, и пригласили туда Юрия. На смотрины, так сказать. Потом рассказывали.

Жених сидел за столом, полным яств, в окружении богатых красавиц среднего возраста, красный, как рак, и смущённо сопел весь вечер. Куда только подевалось всё его ораторское искусство и магнетический пыл? Очевидно, в отношениях с женщинами он всегда испытывал некую природную робость. Но сам Юрий невестам понравился. За него даже началась некая незримая соревновательная борьба. Одна из подруг, самая бойкая, позвала Наташу и Евгению на балкон, покурить. И заявила:

— Ну что ж, он мне подходит. Заверните. Молодой, симпатичный, неговорливый. Готова взять его к себе домой и обеспечить всем необходимым. Пусть теперь у меня живёт. Пристрою в свою фирму, сделаю из него человека!

И они даже ушли вместе. Но по дороге к ней Юрий позорно сбежал. Видно, ещё не был готов к семейной жизни и к жалованию содержанга. А кто знает, может быть, в его дальнейшей судьбе всё сложилось бы и совершенно иначе. Позже в разговоре со мной он обронил, что твёрдо решил быть “монахом в миру, по жизни”. Опять лгал? Или тут что-то другое, болезненное? Я не стал в это углубляться, всё-таки тема интимная, но попытки женить его на ком-либо из Наташиных подруг не прекращались, а однажды он сам повернул дело так, что всех нас удивил. Но об этом чуть ниже. А пока же Шмаков добивался успехов на другом поприще — общественно-политическом.

— Похоже, наш Юрий пришёлся всем ко двору, — заметила как-то моя супруга.

— А ещё похоже на то, что его уже начинают разыгрывать “в тёмную”, — отозвался я. — И не пора ли ему, при таком удачном раскладе, съезжать с нашей квартиры? Надоел, право.

— Я тоже так думаю. Во-первых, неудобно. Натыкаешься на него всюду. Во-вторых, действительно его уже становится слишком много. Сколько можно терпеть постороннего человека? Пятый месяц пошёл. И, в-третьих, ещё не известно, куда он всех нас заведёт. Чует моё сердце: быть беде.

— Согласен. Сегодня же, когда он вернётся, дам ему от ворот поворот.

— Но как откажешь в гостеприимстве?

— А просто. Скажу: собирай вещички и пошёл восвояси. Теперь тебе есть, где жить, хоть на диване в своём ХКСВ, не пропадёшь. Или гостиницу снимай, дураки-спонсоры оплатят. А мы своё дело сделали.

— Так нельзя. Надо расстаться по-хорошему.

— Тогда придумаем иначе. Допустим: ты заболела. Инфицирована чем-то очень заразным. Сыпным тифом, например. Который завезли гастарбайтеры из Средней Азии вместе с клопами. Нужен карантин и уход. Я-то муж, вынужден остаться, а он сам сбежит.

— Не сбежит, зараза к заразе не пристаёт. И почему я, а не ты? Нет, давай по-другому: родня из Хабаровска приезжает. Тётя, дядя, племянники и их жены. Числом шесть человек. Так что, извини, Юрий...

— ...и пошёл вон! — добавил я, ставя точку в консенсусе.

Единственной, кто возражал, была, судя по всему, Лера, недовольно убравшаяся под стол. Собаки быстрее привыкают к людям и терпеть не могут терять их. Они ценят человека просто за то, что он человек, видя для себя в любом их них, наверное, образ Божий. Любят его так, как в древнем Эдеме. В отличие от тех, кто, может быть, не ведая и даже не желая этого, на самом деле образом Божиим и является, в независимости от собственных пороков.

Я вообще считаю, животный мир за последние сто лет кардинально метафизически изменился. Они и есть самообучающиеся машины. Собаки, кошки, птицы, рыбы — все звери всё больше и больше превращаются в людей чувствами, разумом, правдой жизни, а человек неуклонно сползает в инстинктивное животное состояние, а скоро вообще станет растением. Такое и не жаль вовсе. Будут ли нас тогда щадить собаки, превратившиеся в истинных людей?

Разовью свою мысль. Бывают праведники как праведники, грешники как грешники, люди как люди и собаки как собаки. Но бывает в этом подлунном мире и по-другому. Есть праведники как грешники, грешники как праведники, люди как собаки и собаки как люди. Притворяются, то есть. А всё должно бы оставаться на своих местах. А должно ли? Кто-то лежит на золочёном диване, кто-то — на сырой земле под лавкой. И не пора ли им поменяться местами по закону высшей справедливости? Но так ли задумано Творцом? И что будет потом, дальше?

Будет то же самое. Снова человек под лавкой и снова человек на диване. Господом всё так и создано в поущение нам. Ему искоренять и наказывать. И если человек мстит обидевшему его, то он мстит себе. А когда прощает, прощаются ему Богом и его грехи. Но это не значит, что надо ничего не делать, а только лежать и ждать. На диване ли или под лавкой. Нужно, прежде всего, спасти душу свою, а если хватает сил, то и ближних своих. Даже врагов. Но не врагов Господа. Вот тут тебе и меч в руки...

Итак, в отношении Юрия мы с женой договорились. И стали готовиться к тяжёлому расставанию с нашим “любимым чадом”. Но вопрос вечером решился сам собой, и нам не пришлось лгать. Юрий явился не один, а с дамой, и с порога, вынимая шампанское, заявил:

— Друзья мои дорогущие, спасибо вам огромное за гостеприимство. Бог вас не оставит, а вот я покидаю. И женюсь на этой чудесной женщине. К ней и переезжаю.

— Которая не только действительно чудеса творит, как настоящий стилист и дизайнер, но ещё и страшно богата, — заметила жена. — Здравствуй, подруга!

— Привет, Женечка! — ответила та. — Как я рада, что ты меня с ним в своё время познакомила!

— Ничто даром не пропадает, кто-то теряет, кто-то подбирает, — добавил я, смутно вспомнивший эту бизнес-women из числа супружеских приятельниц. — Тогда — к столу.

И мы сели праздновать. То ли помолвку, то ли переезд Юрия в новое гнёздышко, то ли наше освобождение от загостившегося “человека под лавкой”. Жениха не смущало, что невеста старше его лет на десять. Но она и впрямь была хороша собой, моложава, сексапильна, ей и карты в руки: кроме дизайна одежды, занималась ещё и косметологией, да держала салон красоты и фитнес-клуб. Шмаков трогательно ухаживал за ней, подливая шампанское и почти не выпуская её руки.

Но и сама подруга (её звали, как и нашу собаку, Лерой) не спускала с Юрия глаз. Он её действительно нравился. А может, и влюбилась. Чем чёрт не шутит — он большой мастак в этом деле. Всё спрашивала нас: где мы раскопали это чудо, которое очаровало пол-Москвы? Наконец, не выдержав, я ответил:

— А в Измайловском парке, слева от главного входа, под третьей лавкой.

Это прозвучало несколько грубо, но жена смягчила, переведя всё в философскую сентенцию:

— Просто надо быть внимательнее, когда по земле ходишь, тогда и найдёшь то, что пожелаешь. Или оно само к тебе и придёт, не спросясь.

Впрочем, эта фраза выглядела не менее жёстко и двусмысленно, но молодые (можно ли их так называть?) не обратили внимания на каверзный подтекст. Лера (невеста) трещала без умолку, Юрий цвёл, как майский пион, другая Лера (собака) возбуждённо лаяла, радуясь общему счастью, Евгения Фёдоровна гостеприимно накладывала на тарелки куски торта и вежливо поддакивала, я же, напустив на себя метафизического тумана, отрешённо молчал.

Всё думал: а не пойти ли мне сейчас в комнату и не засесть ли за стол, чтобы продолжить писать роман о Юрии Шмакове, о “человеке под лавкой”, которого произвела на свет русская почва сразу же в готовом виде в двадцать первом веке, как собирательный образ “нового человека”, “героя нашего времени”? Тема большая, впопыхах не осилишь. А стоит ли она того? Да и финал ещё не известен. Нужно подождать. По крайней мере, пока не уйдут гости. Молодожёны, то есть.

Тут они как раз и собрались уходить. Но перед тем Лера проболталась, сказав, что Юрий теперь ещё и в ФСБ служит, зарплату там получает.

— А кем? — спросила наивная жена.

— Неужели непонятно? — ответил я. — Кто бы разрешил его молодёжное движение создать? Я об этом давно догадался.

— Ну да, — пришлось сознаться Юрию. — А что в этом такого? ФСБ — наша опора и сила. Но ты, Лера, зря об этом растрещала, это ж секрет.

— Секрет Полишинеля, — усмехнулся я, а жена добавила:

— Наша Лера такая, ей что скажешь — о том на следующий день в метро и услышишь. А нечего “медовой приманке” в сладкий час на подушке откровенничать.

— А звание-то у тебя теперь какое? Лере по рангу будет? — спросил я, перебивая лай Леры-собаки, которая, наверное, думала, что это всё время к ней обращаются.

— Три звёздочки, — скромно потупился Юрий. — Но это только начало.

— Молодец. Далеко пойдёшь.

— Уже и пойдём, пожалуй, — одновременно сказали жених с невестой, собравшись, наконец, восвояси. Мы и не задерживали, вздохнув с облегчением, словно сбросив с плеч непосильный более груз.

Пока жена в прихожей шушукалась о чём-то с подругой, я вдруг, вспомнив, спросил у Юрия:

— Послушай, ты как-то в самом начале нашего знакомства говорил о каких-то двух тайнах, которые у тебя есть? Сейчас не откроешь? Время пришло. Настал час откровения.

— Ты думаешь? — заколебался он. — Уверен?

— Не унесёшь же ты их с собой в могилу?

— А что, уже похож на покойника?

— Да нет, напротив. Но знаешь, как говорил Пушкин: “Цвёл юноша вечер, а нынче умер, // И вот его четыре старика несут // На сгорбленных плечах в могилу...”

— Ну ты, Александр, загнул... Как не родной, прямо.

— А мы уже породнились?

— Ну, как бы. Типа того.

— Так откроешь свои “страшные тайны”?

Юрий, подумав с минуту, ответил:

— Нет, рано ещё. Потом.

— Ну, потом так потом. Не очень-то и хотелось.

Но тут я покривил душой. Мне почему-то именно страсть как захотелось узнать тайны Юрия. В них, решил вдруг я, и заключён весь смысл самого явления “человека под лавкой” на Божий свет. Тайны и загадки существования “хомо рус”. Да и для недописанного романа это необходимо. Не выдумывать же мне их самому? Я реалист. Но, видно, время действительно ещё не пришло...

Не сразу, но наши отношения со Шмаковым стали охлаждаться. Он уже несколько не нуждался в нашей помощи и поддержке, да и мы как-то тяготились общением с ним. А раз так — то к чему длить “содружество”? Вернее, его агонию. Пора *слезать с телеги* и идти дальше разными тропами. Встречались и созванивались всё реже и реже. Жена уже давно махнула на Юрия рукой. Но я по-прежнему не выпускал его из виду. Тайно приглядывал. Всё-таки мы его создали. Жаль терять.

До меня доходили сведения о его деятельности. Вот он ярко и громогласно выступает на митинге оппозиции, который потом разгоняет Росгвардия. А вот уже идёт вместе со всеми в колоннах “Бессмертного полка”, по-прежнему неся на груди портрет Николая II. Вот проводит очередную презентацию своего движения в Доме журналистов и ЦДЛ. Вот снова на патриотическом митинге, выступает в поддержку Путина. Даже замечен на ежегодной встрече молодёжи и студентов с Президентом на Селигере. Вот на Всероссийском Казачьем круге среди больших и маленьких атаманов. Он уже не есаул, а полковник. А вот снова среди оппозиционеров, выступает в поддержку другого кандидата в Президенты, до выборов которого остаётся несколько месяцев. Вот гневно клеймит и обличает Ксению Собчак и других девиц, мечтающих занять место в Кремле. Вот на Всемирном Русском Соборе. Вот на открытии какого-то очередного монархического памятника. Вот в числе приглашённых воинов-инвалидов на чаепитии с вице-премьером. Вот на некоем интеллигентском сборище правозащитников. Вот на газетной фотографии в свите самого Патриарха. А вот встречает среди прочих в Шереметьево Первоиерарха Русской Православной Церкви За Границей. Правда, всё на заднем плане. Вот в телепрограмме, вот в ток-шоу, вот на радио...

Однажды он позвонил мне и позвал в Храм Христа Спасителя на некое мероприятие.

— Награждаем орденом “Честь и Слава России” группу промышленников и предпринимателей, — важно сказал он. — Президентов корпораций, директоров крупных компаний. Церемония состоится в Зале Церковных Соборов. Обязательно приходи. Надо поговорить. И Евгению Фёдоровну захвати. Я вам забронировал два пригласительных билета.

Повесив трубку, я подумал: отчего же не пойти? Чай, не за хлебом в булочную. Это было что-то новенькое в бурной деятельности Юрия Шмакова. Он выходил на какой-то иной, более высокий уровень. Однако “захватить” с собой, как кот в сумке, Евгению Фёдоровну не вышло, она лишь посмеялась над этим предложением. А я пошёл. Но перед тем заглянул в интернет, чтобы узнать побольше об этом ордене.

Оказалось, действительно существует такой. Это была международная общественная награда, учреждённая ещё в конце 90-х годов прошлого века. Вручали её за выдающиеся заслуги в деле возрождения славных купеческих традиций и развития отечественного предпринимательства. А среди награждённых, кроме крупных бизнесменов вроде руководства “Вимм-Биль-Данн”, были и бывший мэр Москвы Лужков, и некоторые церковные иерархи, и председатель Счётной палаты, и губернаторы с депутатами, и даже почему-то английский принц Майкл Кентский с одним конгрессменом из США. Словом, весьма “почтенная публика”.

Ещё отмечалось, что в Наградной комитет среди прочих организаций и политических движений входит и Христианское Казацко-Стрелецкое Войско Юрия Шмакова. Молодец, парень! Сумел примазаться. Или “примазали”? Грамотно работают. Так или иначе, но время зря потеряно не было. Я не знаю, какие уж такие силы двигали “человека под лавкой” наверх, но точно не мы с женой. Нам эти высоты не по зубам. Мы лишь дали первоначальный толчок. Но “ком с горы” покатился.

Заодно уж я заглянул и на сайт ХКСВ. Там также хватало всяческих орденов и медалей, вручаемых в торжественной обстановке. То в Домжуре, то в Центральном Доме литераторов, то в ЦДРИ, то в ЦДХ. Знак Стрелецкой Доблести, орден Иоанна Грозного, лента Опричника, орден Алексея

Тишайшего, орден Сталина, медаль Достоевского, медаль Есенина, медаль казака-воина, Георгиевский крест, благодарственные грамоты и прочее. Целый список наград и лауреатов. Митрополиты, архиепископы, издатели, писатели, генералы, артисты, политики, главы регионов, наследники Дома Романовых и так далее. Все фамилии известные, значимые. “Правильной дорогой идёт товарищ!” — подумал я. Его бы в Сколково отправить, на опыты, цены бы этой лжесиликоновой долине не было. Готовый продукт нанотехнологии.

Итак, четвёртого ноября, в День Народного Единства (или Единой России?) я отправился в Храм Христа Спасителя. У входа столкнулся с Юрием. И даже сперва не узнал его, хотя не виделся около месяца. Шмаков как-то неприглядно забурел, залоснился, можно сказать, обрюзг. Щёки преобразились в спелые помидоры, наметилось брюшко-арбузик, а короткая стрижка делала его похожим на лысый баскетбольный мяч на ходулях.

Он явно жил очень сытно, словно в скоростном режиме навёрстывая упущенное в Твери время. Я тотчас вспомнил о Лере (невесте, не собаке). Да и одет Юрий был в сверхмодный итальянский костюм стального цвета, белоснежную рубашку, чёрный кожаный плащ нараспашку. Не хватало лишь байроновской трости для шика. А вот глаза потускнели. Не было в них уже того огня, который нас когда-то прельщал.

— Как Лера? — спросил я.

— А-а... — он пренебрежительно махнул рукой. И добавил: — Расстался. Бросил я её. У меня теперь другая невеста. Ещё лучше.

— Чем же?

— Вон, — показал он куда-то пальцем на стоянку машин, — “Джип” подарила. Но дело не в этом. Я ещё не определился: надо ли мне вообще связывать себя семейными узами? Поскольку всё больше склоняюсь к мысли принять монашеский постриг. Идти по этой многотрудной стезе.

— Как Сергей Илиодор-Труфанов? — напомнил я. — Войско у тебя уже почти есть. Осталось Царицын захватить и на Москву двигаться. Впрочем, ты и так в столице.

— То да, — важно изрёк он. — Моё движение набирает силу. С ним уже на самом верху считаются. Советуются.

— Я знаю, слышал. Ты попал в самую масть. Теперь делают ставку на таких, как ты. Но это ненадолго.

— Александр, ты бы попрдержал свой язык, больно острый, — предупредил Юрий. — Забыл, что ли, в какой ведомости я расписываюсь?

— Помню. Сам почти тебя туда и подтолкнул.

— Ну, ладно, сейчас не об этом, — смягчился он. — А где же Евгения Фёдоровна?

— Притомилась. Не придёт.

— Может, оно и к лучшему. Тогда вот что. Давай, сразу и переговорим. А то потом церемония начнётся, то да сё. Не успеем. Отойдём в сторонку.

— Давай, — охотно согласился я. Мне уже надоело стоять на самом виду, к тому же к Шмакову то и дело подходили, а то и подбегали солидные кожаные дяди, что-то спрашивали, получали указания (или просто кивок головы) и отбегали обратно. Он тут был вроде распорядителя или координатора движения. Как вырос мальчонка!

Мы встали около заградительной сетки, Юрий закурил длинную тонкую сигарету (ещё одно новшество!) и начал:

— Ты, Александр, мой друг, поэтому буду без экивоков. Орден “Честь и Слава России”, который мы сегодня вручаем, страшно престижный. Я не сомневаюсь, что ты заглянул в интернет, прежде чем сюда приехать. Видел, какие люди его получают? Но им он даётся даром, поскольку само их имя также работает на престиж ордена. А вот другие — те, которые помельче, да повороватее, — им за орден надо самим заплатить. Ход мысли понятен?

— Не дурак. Ну, а я-то тут при чём? Мне лично ваш орден и за день не надь, и даром не надь. Туфта это, ежу ясно.

— Не скажи. Многие за эту побрякушку готовы большие деньги отвалить. Особенно на Кавказе. Да и другие. Есть такие бизнесмены, которые

надеются — и правильно надеются, — что эта почти государственная награда гарантированно удержит их от посадки. На первый раз, конечно, да. А на второй раз они другой какой-нибудь орден прикупят. Это безотказная схема. Что уж тут поделаешь, коли мы в такой стране живём.

— Раньше, помнится, ты по-иному говорил. Святая Русь... Возрождение... Православие... Казаки-разбойники...

— Я и сейчас так думаю, от своих слов не отказываюсь. Просто одно другому не мешает.

— Гешефт, то есть? И сколько ты сам на этом имеешь? И в чём моя роль?

— Конкретно так. Ты или Евгения Фёдоровна находите богатого клиента в своей среде. Чем больше клиентов, тем лучше. Он выкладывает за орден от пяти до пятидесяти тысяч евро. В зависимости от собственного веса. Половина — вам, половина — мне, на развитие Христианского Казацко-Стрелцкого Войска. Учти, что я из своей суммы ещё кое с кем должен делиться. Это, по-моему, расклад справедливый. Делаем поточную систему. Как?

— А много у тебя уже таких “потоков”?

— Какая разница? Ты лишних вопросов-то не задавай. Отвечай по существу.

— Я подумаю, — ответил я и, подняв воротник плаща, поскольку начал накрапывать мелкий противный дождь, пошёл прочь. Не попрощавшись с Юрием. Знал, что мы ещё непременно встретимся. А церемонию эту я в гробу видел.

Дома я с раздражением поведал жене о встрече с Юрием. Постарался не жалеть язвительных красок. Портрет “человека под лавкой” получился в достаточной степени карикатурным (я ведь двадцать лет назад начинал свою литературную деятельность как юморист-сатирик). Но Евгения привычно заспорила со мной. И неожиданно встала не на мою, а на его сторону.

— Ты злишься на него потому, что он ускользнул из-под твоего влияния. И правильно сделал. А как иначе? Он уже достаточно взрослый половозрелый мальчик, должен и хочет своим умом жить, идти своей дорогой. А ты на подсознательном уровне всё ещё считаешь его своим скульптурным творением. Нет. Он живой, со своими провалами, победами, ошибками и находками. И чтобы понять жизнь, надо жить. А не созерцать её, сидя на лавке, как ты. А вот он выбрался из-под неё и зашагал. И тебе просто обидно и завидно, что он другой. Не твоя копия.

— Вот как? Ты рассуждаешь, как психолог. А не как верная жена. И никогда меня не поддерживаешь. А может, он просто зомби? Помнишь, ты говорила нам как-то о пяти психотипах людей? Ну, там, “животный тип” и прочее. Высший — человеческий.

— Помню. В давние времена человека превращали в зомби с помощью лекарственных средств. Например, тетрадоксин, вытяжка из болотной рога-той жабы, — продолжила Евгения. — Этот яд в пятьсот раз сильнее цианистого калия. Но когда такого “мертвеца” оживляли, сознание его оставалось девственно-чистым. Он становился хорошим рабом, но совершенно непригодным для решения сложных задач. Потом пришло время создавать зомби второго поколения, более гибких. Тут уже начали использовать наши, родненькие средства двадцатого века — ультразвуковые и микроволновые излучения, гипноз и внушение, психохимию и психофармакологию, ну и, конечно же, компьютерную технику, позже — интернет, гаджеты, айфоны и айпады, мобильные телефоны, даже микроволновую печь. Всё может влиять на сознание, “прослушивать” его и управлять им.

В таких зомби вкладывают сразу по несколько личностей. Зомби второго поколения может и не подозревать, носителем каких программ он является. Вспомни смерть многих казначеев ЦК, которые вдруг один за другим стали выпрыгивать из окон. Они были автоматически заряжены на соответствующее кодовое воздействие, которым могла оказаться совершенно невинная фраза, произнесённая по телефону. Но и эти зомби несовершенны. Известны случаи, когда “блоки на забывание” получали прорыв, и тайное становилось явным. Кроме того, здесь требуется кропотливая и индивидуальная работа с каждым “клиентом” и, заметь, очень дорогостоящая!

Сейчас учёные и здесь, и в Америке как бы повернули вспять. Не отказываясь от технических и экстрасенсорных средств воздействия на человека, они обратились ко всякого рода оккультным, эзотерическим знаниям древних. Там, в прошлых веках не дураки жили, тоже знали, как манипулировать сознанием. Короче, идёт разработка массового психотропного оружия. А зомби третьего поколения — это будем мы, вместе взятые, вся наша страна, весь мир. Кроме избранных, малой доли англосаксов. Наступит момент, подадут сигнал, общий сигнал перерезать глотку соседу — и все начнут кидаться друг на друга. Как в древнем Вавилоне, когда в одночасье наступило смещение всех языков, массивый разор. Почему, думаешь, новые поколения украинцев так люто ненавидят русских? Они уже все зомбированы до идиотизма. Это ж какая благодатная территория освободится потом от ненужных людишек!

— А есть всё-таки хоть какая-то защита? — спросил я.

— Только собственные волевые усилия, — отозвалась супруга. Потом постучала себя по лбу: — И ум. Надо думать, прежде чем понимать, как говорил незабвенный Черномырдин. А он был не так глуп и прост, как казалось. Прикидывался...

А я вспомнил не столь давний разговор с Сергеем Огородовым, который сказал, что, по данным аналитических служб, Москва, втянувшая уже в себя половину Подмосковья, через пятнадцать-двадцать лет должна превратиться в гигантский город с огромной инфраструктурой. Нежизнеспособной, как показывают другие мегаполисы по всему миру. Зачем ещё один Лондон, Нью-Йорк или Париж? Ни одна столица не выдерживает таких темпов развития. Это раз. Второе. К тому времени Москва превратится в абсолютно антирусский город, чему мы уже оказываемся свидетелями. То есть в России будет образован гигантский анклав, не имеющий к ней никакого отношения, но являющийся, тем не менее, её столицей. Парадокс, и только. Который грозит вызвать катаклизмы не только здесь, но и во всей России. И третьё. Это будет способствовать дискредитации политических верхов и их нейтрализации. А тут возможны два варианта. Либо ужесточение режима, вплоть до диктатуры и прямого президентского правления, либо обратный ход с “Болотным майданом” и смена режима. И всё вновь по кругу. А общество будет уведено от экономических проблем.

— Нет, он никакой не зомби, — продолжила жена, — напротив, он стремится к высшему “человеческому типу”. А ты просто обижен на него. Да, я психиатр и мне со стороны виднее. И потом: он растёт. А на пути духовного взросления встречается многое и разное. Сам Христос подвергался всяческим искушениям. Мой тебе психотерапевтический совет: оставь его в покое и не вмешивайся. Человек должен сам во всём разобраться: где свет, где мрак, где полутьма. Обжечься огнём и холодом. Это будет полезно и тебе, и ему.

— Как я могу оставить его в покое? — разволновался я. — Сама посудит! Я ведь роман о нём пишу. Мне он как типаж интересен. Как герой дня. Куда мы можем теперь друг от друга деться? Мы уже одной верёвочкой связаны.

— Тогда садись, не кричи и пиши, — резонно ответила жена. — Но не суйся в его жизнь, не наставляй больше. Да это и бесполезно. К тому же у вас совершенно разные характеры: он холерик, ты меланхолик. Вспомни, что я вам говорила о Бейли, его “психологической гомеопатии”. Он — “Огонь”, ты — “Земля”. И такой союз никогда не будет крепок. И ссоры между вами ещё будут, поверь. У тебя интуитивная связь с Землёй. Этот элемент, как я уже говорила, символизирует физические чувства и ощущения. Они практичны. В основе их взгляда на мир лежит работа пяти органов чувств. Если они не могут что-то потрогать или пощупать, для них этого не существует. Они практичны, надёжны, предусмотрительны, упрямы и часто не отличаются гибкостью мышления. За что я тебя и полюбила, а вовсе не за твоё творчество, уж извини, — добавила она.

Насчёт “творчества” меня несколько покорило, но я спросил:

— Ну, хорошо. А Юрий?

— Они люди личного магнетизма, веры, храбрости и вдохновения. Но также это элемент эгоизма, страстного желания и гнева. “Огненные”

люди самолюбивы и нередко страдают эгоцентризмом. Как и Воздух, Огонь — элемент интеллекта, но если “воздушный” интеллект аналитичен, как у Сергея Огородова, то интеллект Огня замешан на вдохновении и интуиции. Огонь всегда вдохновлял гениев, идеи которых потом детально разрабатывают “воздушные” интеллектуалы, а воплощают в жизнь “земные” практики. Физически Огонь соответствует сердцу и кровеносной системе, мышцам и метаболизму, печени и желчному пузырю, а также (вместе с Воздухом) — нервной системе. Но это уже медицинские детали, которые тебе ни к чему.

Я обдумал её слова, потом упрямо сказал:

— Мне необходимо общение с ним. Это для романа нужно.

— Понимаю. Тогда просто наблюдай за ним. Издали. Но учти. Теперь уже не он, а ты можешь попасть под его влияние. Я давно поняла, что Юрий обладает крепкой силой духа и бессознательно имеет власть над людьми. Он как горящая спичка, поднесённая к сухому хворосту. Причём то и дело зажигает себя сам. Сейчас он такой, завтра будет другой. И он действительно выразительный образ нового поколения. *Enfant terrible*. Тут ты прав.

— Ага! Наконец-то согласилась хоть в чём-то.

— Я ведь тоже тайно наблюдала за ним всё это время, — призналась Евгения. — И мне он также страшно любопытен. Поскольку сама пишу исследование на эту тему. Может, монография получится. Диссертация даже. “Пограничное сакральное сознание alter ego на метафизическом стыке времени и пространства”. Или что-то в этом роде.

— Не знал.

— Ты много чего не знаешь. Например, насчёт службы в ФСБ он врёт. Завирает, чтобы придать себе весу, значительности. Загадочности. Он любит приукрашивать или сгущать краски. Это черта молодости. Юрий вообще большой выдумщик. Я применяла тестовые показатели. Исподволь. Но его ложь — безвредна. Она лишь поднимает его в его же собственных глазах, *выводит из-под лавки*. А на умных людей не действует.

— А на толпу?

— Это другое дело. Но это средство политики, причём во все времена. Тут она попросту необходима. И Юрий интуитивно и инстинктивно чувствует это. Поэтому и сочиняет. Но толпа, как тебе известно, всего лишь многорукое и многоногое одноголовое животное. Это мифическое и в то же время реальное существо, которое стремится оседлать все вожди и вождишки. И некоторым это вполне удаётся. Однако и расплата недолго заставляет себя ждать. Затаптывают и разрывают. А история и вовсе завершает уничтожение и изничтожение почти всех вождей. Правда, потом, иногда, некоторые из них, как ни странно, воскресают и возрождаются. Вот тебе и ответ на теологический вопрос о бессмертии.

— Я всегда знал, что ты умная женщина. Давай вместе роман писать. О Шмакове.

— Нет, лучше мою монографию. О нём же.

И мы снова заспорили, но уже шутя. Поскольку никто в свою сферу деятельности никого пускать не хотел. И не надо, каждому — своё. Потом жена сказала:

— А насчёт Леры я в курсе. Но это не он, а она его бросила. Она ведь умная женщина, иначе не добилась бы таких успехов в бизнесе. А Юра для неё был лишь очередной любопытной игрушкой. Временной. Таких у неё много. И будет ещё не одна до преклонных лет. Лера — нимфоманка. Но я не хотела Юрия предостерегать, пусть сам обожжётся, сунув руку в огонь. И, как видишь, урок пошёл ему впрок. Не сломался, а закалился. Что опять же говорит о его сильном характере.

— Значит, поматросила и бросила... Но сейчас у него новая бизнес-women, “Джинами” разбрасывается.

— Сочиняет, — уверенно ответила Евгения. — Чтобы тебе и другим пускать пыль в глаза. Это я точно знаю. Он по-прежнему неустроен и бесприютен. И останется таким до конца жизни. Не тот человек, чтобы вить гнездо и высиживать птенцов. Он, скорее, одинокий волк, чем собака. Если уж

проводить онтологические сравнения. Да, сейчас он власть покушал, приоделся, навёл некоторый глянец, но всё это ему скоро надоест.

— Почему?

— Потому что он человек духа, а не плоти. И весь этот внешний лоск с него сойдёт очень быстро. Как линялая змеиная кожа. Его естественное состояние — аскеза, тут он чувствует себя наиболее комфортно. Тут он в своей природной среде. Именно как голодный волк.

— Забавное сочетание: комфортный аскетизм. Может, и впрямь монахом станет.

— Не исключено. Такие экземпляры либо в скит уходят, накуролесив предварительно вдоволь, либо окончательно шутами становятся, то есть большими публичными фигурами. Он сейчас на распустье, мечется. Вот к ордену “Честь и Слава России” присосался, а сам жалует уже, что в срамное дело втянулся. Деньги-то ему по большому счёту не нужны, так, потехи ради. Он и не знает толком, что с ними делать. Самого обернут до нитки, умельцы найдутся. Ему настоящий духовник нужен. В российской глубинке ещё остались такие старцы. А лучше пусть на Афон отправится. Там поищет. Уже и собирается.

— Но откуда тебе всё это известно? Откуда ты знаешь, как он сейчас живёт? О чём думает?

Евгения немного помолчала, словно решая, доверять ли мне свой секрет, затем откровенно созналась:

— А один мой студент с кафедры психофизиологии, подающий, между прочим, большие надежды, по моей просьбе записался в его Христианское Казацко-Стрелецкое Войско. И теперь всегда там, рядом с Юрием Шмаковым. Он и есть мои “глаза и уши”. Это мне необходимо для работы над монографией. Вот так, дорогой. Мы тоже зря времени не теряем.

Я лишь развёл руками. И предложил честное сотрудничество: обмениваться информацией о “человеке под лавкой”. Что станет известно ей, она не утаит от меня, а я, в свою очередь, поделюсь с ней. И для романа хорошо, и для диссертации о “хомо рус”. На том и порешили.

9

Евгения в своих прогнозах оказалась, как всегда, права. Шмаков менялся прямо на глазах. Начал куролесить и шутовать по полной. Теперь он уже носил не лощёный костюм с кожаным плащом, а простую чёрную рясу, да ещё в запятках. На голове — скуфейка. Боты армейские, тяжёлые. В руке — сучковатый посох. И всегда в окружении своих таких же сторонников. Вроде фанатов футбольного клуба “Паперть”. Числом этак около трёх десятков. В основном, молодёжь. Но были и пожилые люди, какие-то хромоногие старики, крикливые юродивые в веригах напоказ, инвалид в коляске, даже косяглазые женщины неопределённого возраста, замотанные в платки и рваные кофты.

Я, получив приглашение от ХКСВ, встретил их возле Кремля, на подступах к Красной площади. Где памятник Жукову. Они требовали выноса тела Ленина из Мавзолея. Юрий выступал жёстко, жарко, обличительно, успев в короткой речи, прежде чем их разогнали, припомнить вождо революции все его злодеяния. И походил он в своём праведном гневе на Савонаролу — такой же необузданный и непримиримый к людским грехам. Слушали его, в основном, ничего не понимая, японские туристы. Но зато охотно щёлкали фотоаппаратами. А фальшивый “Ленин” стоял в кепке рядышком и загадочно улыбался.

За те две недели, что я не видел Юрия, весь внешний глянец и вся буржуазная сытость сошли с него, как шелуха. Будто сменил змеиную кожу. Теперь он вновь был худ, порывист, с пламенным взором и чёткой речью, бросал справедливые обличительные слова, как камни. А гневный указующий перст его то и дело взметался в сторону Мавзолея у кремлёвской стены. Заслушаешься и залюбуешься. Ему даже аплодировали.

Вечером этот сюжет как курьёз коротко показали в новостях на московском канале. Перед прогнозом погоды. А на следующий день мне позвонил сам виновник этого мероприятия и поинтересовался моим впечатлением. Вернее, сначала в трубке раздался незнакомый голос:

— Брат Александр! С вами говорит хорунжий Дедов, пресс-секретарь Начальника Христианского Казацко-Стрелецкого Войска полкового старшины Юрия Шмакова-Долгорукова. Поручено соединить.

— Исполняйте, — милостиво разрешил я.

Через минуту на связь вышел сам главный.

— Ну, как акция? — спросил он. — Молодец, что пришёл, я видел тебя в толпе. Жаль, не успели переговорить. Чёртовы полицаи, приспешники капиталистов, полдня в кутузке провёл.

— Да толпа-то жидковата была, — отозвался я. — Всё больше интуристы. А чего это ты вдруг Долгоруким заделался?

— А чтобы руки мои выросли такими же длинными и до всех мировых гадов дотянулись. До горла. До всех клопов и паразитов, которые на теле России ошиваются. И давить их, давить, щёлкать, как блох... К тому же, мать у меня в девичестве — Долгорукая. Давай встретимся, надо потолковать об одном деле.

— Это завсегда. Опять насчёт ордена, что ли? Так у меня такие “клиенты”, у которых в одном кармане смеркается, а в другом сморкается.

— Нет, на это плюнь. Ты, я понял, к денежному потоку не годен. Да и что с бедного литератора взять? Только мозги. Вот они-то мне и нужны. Совет нужен. Записывай адрес.

Я записал и отправился в эту самую ХКСВ на окраину Москвы. Это было полуподвальное помещение со старой мебелью и списанными компьютерами, заваленное плакатами, брошюрами и листовками с программными речами и лозунгами Юрия Шмакова-Долгорукова. И его фотофизиономией. В одной комнате ели и спали, в другой работали и совещались. Склад с литературой, продуктами и подарками для госпиталей был во дворе, рядышком. Там же и туалет.

Народ, пока я общался с Юрием в огороженном ширмой свободном уголке, снова туда-сюда непрестанно. Начальник Войска мимоходом отдавал отрывистые указания, что-то подписывал, поправлял, вразумлял и выговаривал своим соратникам. А я всё гадал, глядя на энергичную молодёжь: кто же из них тот самый “тайный агент” Евгении Фёдоровны, её “глаза и уши”? Так и не определил. Штирлиц надёжно замаскировался.

— Александр! — сразу взял быка за рога Юрий. — Напиши статью о моём... о нашем, — поправился он, — движении. Нужен толковый отклик на деятельность ХКСВ. Мне это неудобно, будто сам себя хвалю, а у тебя получится. Ты фигура в литературных и просвещённых кругах известная, секретарь Правления Союза писателей, да и вообще... К тебе прислушиваются. Вот, возьми брошюрки, программки, ознакомься. Да ты и так сам всё знаешь, мы же не раз с тобой всё это обговаривали. Ну, как?

— А к Сергею Огородову что же не обратился?

— Он не хочет. Для него это слишком мелко.

— А для меня, значит, крупно?

— Ну-у... Дело-то пустяковое. Я заплачу, — поспешно добавил он.

— Написать несложно, — подумав, ответил я. — Только вот читать мне всю эту твою макулатуру некогда, ты лучше своими словами скажи: каковы ближайшие планы, цели, какие ещё акции готовятся? То есть стратегия и тактика борьбы. За что ты и с кем. Пусть это как интервью будет.

— Хорошо, — кивнул Шмаков. — Но прежде у меня к тебе ещё одна просьба. Я хочу предложить тебе негласный пост идеолога нашего движения.

— “Серого кардинала”, что ли? Вроде Сулова при Брежневе?

— Ну, типа того. Хотя и не совсем. Как бы главного советника. Или консультанта по определяющим вопросам. Ты и Евгения Фёдоровна. Оба. Я надеюсь на вас, — добавил он, помолчав. — Вы мне нужны. Как первые люди, настоящие самаритяне, выгнанные меня из-под лавки.

Поднявшие с колен. И вы мне очень дороги, правда-правда. Более того, только вам-то и доверяю. Что бы я без вас делал?

Это прозвучало несколько возвышенно, патетично, но в его словах чувствовалась неподдельная искренность. У меня даже глаза чуть не повлажнели. Но это, скорее, от многолетней пыли в помещении. Вот почему тут все то и дело кашляли да чихали. Я тоже начал. А Юрий ждал, что я скажу в ответ.

— Это большая честь, — сдержав улыбку, произнёс я. — Мы подумаем. А статью я, конечно же, напишу. Не проблема. Бесплатно.

— Вот и ладушки! — обрадовался “хомо рус”. Как ребёнок. Всё-таки он был довольно забавным.

— А теперь неплохо бы и перекусить.

— Хорунжий Дедов! — приказным тоном позвал “Юрий Долгорукий”, вновь преобразившись.

К нам из среды снующей молодёжи подскочил рослый белобрысый очкарик. Даже вытянулся в струнку, одёрнув армейский китель без погон.

— Сделай-ка нам, дружок, кофейку с бутербродами. Да поживее там!

Пресс-секретарь помчался выполнять указание, а Шмаков достал откуда-то из-под стола пузатую фирменную бутылку.

— Афонский кагор, — похвастался он, любовно разливая его в две крохотные рюмки. — Из монастыря святого Пантелеимона. У нас с ними контакт. Через месяц-другой сам к ним отправлюсь. За благословением.

— Ты же не пил, не курил, — заметил я, глядя, как Юрий выуживает из серебряного портсигара длинную тонкую сигарету.

— Это временно, — отмахнулся он. — Волнений много. А кагор — всё равно, что причастие. Тем более, с Афона. А теперь — к делу. Обсудим наши ближайшие планы.

Так я совершенно неожиданно для себя оказался в числе ближайших сподвижников Юрия Шмакова. А может, и сам этого хотел? Не знаю. В этом вопросе я ещё не до конца разобрался. А вечером я отправился к Огородову, чтобы выяснить причину его охлаждения к нашему совместному Галатату. И на мой вопрос Сергей лишь пренебрежительно махнул рукой и коротко ответил:

— Детские игры...

Но тут он ошибался, как показали все последующие события.

Очень скоро первая неблагозвучная часть новой двойной фамилии Юрия как-то сама собой отпала, затерялась, и он всё чаще перед репортёрами и тележурналистами стал именоваться просто Долгоруким. Может быть, делали это намеренно, в издёвку. Да и вообще относились к нему как к очередному вынырнувшему из тёмной глубинки и политического небытия шуту, клоуну. Считали его “мальчиком для битья”. Но он и сам быстро научился бить наотмашь, отвечая на каверзные вопросы с отменной реакцией боксёра. Остроумно, грамотно и внятно, к восторгу простой публики. Чем сам ставил газетных ёрников в тупик и впросак. Уроки Сергея Огородова явно пошли ему на пользу. Но я-то знал, что говорит он не своими словами, а транслирует наши мысли, озвучивает то, что вложил в него мой друг.

Появлялся Шмаков в народе во время своих “акций” по-прежнему в дырчатой рясе, но теперь ещё и с посохом, больше напоминавшим разбойничью дубину, но для официальных встреч и церемоний сохранил и цивильный костюм “от Армани”. В газетных репортажах и телящике мелькал всё чаще. Днём метался со своими соратниками по столице, а ночевал то в штабе ХКСВ, то снова у нас в квартире, то у новых знакомых и приятелей. Приятю давали многие. Но он нигде подолгу не задерживался.

А то, что за ним закрепилось прозвище “Юрий Долгорукий”, так это было нам только в плюс. Теперь он всюду подчёркивал, что, как и его великий полный тёзка-предок, призван создать новую Москву. Старую, гиблую, с мишурным блеском отбросить, как ветхий хлам, поскольку она потонула в грехах и пороках, и основать иную — истинную в христианской вере. Город-икону, город справедливости и добродетели, город милосердия. Град Древней Руси и русского духа, но открытый для всех других народов

и религий. Словом, город Любви. И эта теза притягивала многих жителей Москвы и Подмосковья. Да и в провинциях число сторонников Шмакова ширилось. Популярность его росла, как на дрожжах.

Конечно, возле Юрия с первых же дней его восхождения стало вертеться много всяческих тёмных людей и людишек, проходимцев и авантюристов. Но тут уж никуда не деться, это как “издержки производства”: рыбы-прилипалы есть всегда и везде, особенно рядом со стремительно набирающим силу лидером. Есть чем поживиться и подкормиться. И вовремя улизнуть, когда придёт время.

Но сам Шмаков их быстро различал и отсекал от себя. Свою тогу (рясу) хотел сохранить в первозданной чистоте. Чутьё на человека у него было потрясающее. Мог с ходу определить его внутреннюю суть: с гнильцой тот, “парчёный” (порченный), путанный или с огоньком света. Хотя некоторых подобных типов намеренно придерживал. Очевидно, для каких-то своих скрытых целей. Я ведь не во все его планы был посвящён. И он до сих пор оставался для меня, да и для Евгении Фёдоровны загадкой.

Наверное, такой же загадкой являлся он и для властей предрежущих. Вот почему к нему пока что всё еще внимательно приглядывались, не дёргали и не гнобили всерьёз. Давали поиграть, как распалившемуся ученику. А там видно будет. Перед выборами Президента в 2018 году, до которых оставалось всего ничего, это было даже полезно. В Кремле был отчасти взят курс на русскую самобытность, на национальные духовные ценности, на православные традиции, и явление Юрия Шмакова-Долгорукова покуда всех устраивало. Ну, шлёпнут ладошкой слегка разрезвившегося щенка, потреплют за холку, отсидит он за какую-нибудь свою очень уж смелую и резкую акцию пару дней в кутузке, а потом выпустят: играй дальше. На поводке.

Приняв на себя роль “серого кардинала”, я постарался предостеречь Юрия, чтобы он не слишком сильно заигрывался и не дразнил власть. Поскольку после любых выборов всегда наступает некая чистка и затягивание ремней. А особо “одарённые” могут получить этим ремнём и по одному месту. Мало не покажется. Он внимательно меня выслушал, а вот усвоил ли мои слова — трудно сказать. Шмаков охотно впитывал носящиеся вокруг него в воздухе идеи и мысли, перемальывал их в своей голове, но всегда поступал так, как велело ему его внутреннее чутьё. Даже если оно шло вразрез со здравым смыслом. Но интуиция и совесть — понятия во многом разнозначные. Хотя оба спасительные.

10

Одна из зимних акций Юрия Шмакова проходила в день Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, четвёртого декабря. Тут он вновь “перегнул палку”, нарушил устоявшиеся традиции. Пока все православные христиане усердно молились в храмах, “Долгорукий” вывел своё войско на улицу, и мы шли несколько карнавальным “крестным ходом” с иконами и хоругвями вокруг здания Министерства образования и науки на Тверской, дабы изгнать оттуда засевших там бесов-ЕГЭшников. Да ещё и Сергея Огородова втянули в это дело. Хотя новый министр, умная женщина, и так делала всё возможное, чтобы поломать старую гиблую либеральную систему преподавания в школах, навязанную России в 90-е годы.

Юрий громогласно вещал:

— Москва сейчас напоминает новую Помпею в ночь перед извержением Везувия. Жители веселятся, спят, строят планы, но всё может закончиться в одночасье. Огненная лава и пепел похоронят все их надежды. Это как расплата за бесстыдный гламур. За чудовищное обогащение одних и за массовое обнищание других. А так не должно быть!..

И дальше всё в том же духе. Росгвардия ещё не подъехала. Я поприветствовал его за рясу и отвёл в сторонку. К нам присоединился Сергей, который уже вообще собирался уходить. Ему всё это виделось смешным и глупым.

— Ты имеешь в виду природный катаклизм? — спросил он у Юрия.

— Я имею в виду то, что имею.

— Непонятно.

— А вы слушайте дальше. Изменить уже ничего нельзя. Оставим пока в покое inferнальную сторону вопроса, хотя природа ещё будет страшно мстить людям, — поглядите, как тонула и горела Земля этим летом. Очередь за Россией. Потому что элита продажна. Чьи интересы она защищает? И защищала всегда, прикрываясь красивыми словами. Интересы тех, кто разграбил СССР, кто владеет нефтью и газом, алюминием и лесом, словом, олигархов и всей чиновничьей сволочи. Исправно служит им.

— Потому и затеяна новая волна приватизации, чтобы уж разворовать всё окончательно, подчистую... — согласился Огородов. — Борьба с коррупцией? Не смешите. Ты думаешь, будут когда-нибудь настоящие “посадки”, которых так ждёт народ? Чужих, неугодных, мешающих хапать — да, а своих, присосавшихся к большому пирогу, к бюджету — нет, никогда.

— Власть своих не сдаёт, — вставил я.

— Но играет в этом спектакле под названием “Борьба с коррупцией” мастерски, — кивнул Сергей. — И налог на сверхбогатых или на роскошь не введут никогда в жизни, потому что удобно посиживает на плечах у олигархов, кланясь при этом в любви к простому народу. Да и есть ли у Кремля власть?.. На сегодня девяносто пять процентов всей крупной российской собственности, а это, в первую очередь, промышленные производства и банки, принадлежит иностранным инвесторам. Или отечественным, но с двойным и тройным гражданством, а это, по сути, одно и то же. Ситуация сложилась таким образом, что любой крупный предприниматель в России прячет свою собственность за рубежом в силу специфики построения всей российской государственности. Таким образом, можно говорить о том, что в “сухом остатке” реально власть контролирует и руководит лишь пятью процентами России, всё остальное принадлежит иностранцам или комрадорам.

— Менять надо всё, — мрачно произнёс Юрий. — Неужто ж Россия так честными людьми оскудела?

— Но и это ещё не всё, — продолжил Сергей. — Созданный в начале ельцинского срока Центральный банк, а скопирован он был с Федеральной резервной системы США, — вот истинный “управдом” страны. А ключевым элементом правового статуса Центробанка является принцип независимости от государства, но лишь он обладает исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения. Это из его Устава. О чём это говорит?

— О чём?

— Правительство лишь исполняет роль полицейского для обеспечения защиты священной частной собственности, а вот делить деньги — дело тонкое, это можно доверить только “специалистам”. Итак, государство целиком и полностью зависит от “независимого от него” Центробанка, но и он не самостоятелен. Поскольку является филиалом ФРС США. Такая вот выходит загогулина...

— Погодите-ка.

Шмаков рванулся вперёд, в начало процессии, отдал какие-то распоряжения двум молодежавым попам-расстригам, Кассиану и Киприану, возглавлявшим этот карнавалый крестный ход, и вернулся обратно. А Сергей продолжил:

— Мейер Ротшильд давно говорил, дескать, дайте мне контроль над выпуском денег в государстве, и мне плевать, кто будет писать его законы. А вот другое изречение: тот, кто контролирует денежную массу любой страны, является полным властелином её промышленности и торговли, а когда вы поймёте, как просто вся экономическая система, так или иначе, контролируется несколькими влиятельными людьми, вам не понадобится объяснять, где причины депрессий и инфляций. Это ещё в начале прошлого века сказано, на инаугурации президента США Джеймса Гарфилда, убитого всего через несколько недель после своего заявления. Проговорился... Добавлю ещё, что проект “Глобализация” предполагает тем или иным способом уничтожение большинства населения Земли, сокращая число живущих до пятисот

миллионов, где нам когда-то уже “выделялась квота” — на территории СССР экономически оправдано проживание всего пятнадцати миллионов. Значит, на страну, сжавшуюся до состояния России, “в лучшем случае”, “оставят” девять миллионов. И они, кланы Ротшильдов и Рокфеллеров, слившиеся после почти двухсотлетней вражды, контролировавшие всю мировую нефть, все денежные потоки и всё золото, не шутят. А любой Президент России тут будет бесилен. Да по большому счёту уже и бесполезен. Лишняя фигура на шахматной доске, своё уже отработавшая.

Юрий молчал, продолжая внимательно слушать Огородова. А тому было что сказать:

— Финнолигархия всё более рвётся к мировой гегемонии, а в качестве идеологии, оправдывающей этот процесс, используется идеология либерализма. Создаётся почва для перехода нынешнего сверхглобального кризиса или перманентно следующего за ним к режиму “железной пяты” “суперкапитала”. Я абсолютно уверен, что через полгода, максимум — год цены на нефть и газ вновь катастрофически упадут.

— Что тогда будет? — спросил я.

— Тогда Россию, а в ней реально наступят голодные бунты, ещё похлеще, чем на Украине с её евромайданом, ждёт судьба Советского Союза. Так запланировано “Мировым правительством”, и это никакая не конспирология стремящегося к построению Нового Вавилона. Нимроду, потомку Каина, не удалось достроить такую башню, “достичь неба”, взять его “штурмом”, зато это постараются сделать уже его потомки. Генетические наследники Хама и человекоубийцы... И что мы увидим? Охоту на народ. Чтобы вынуть из него душу и продать. Заложить в мировой ломбард. А ещё лучше — заменить этот всё ещё вяло кочевряжающийся народ на какой-то другой, более покладистый. На мигрантов. С Кавказа, из Средней Азии... Но вот он-то, новый, им в свой час и покажет “кузькину мать”. В момент всех вырежет, под корень.

— А разве не русский народ следовал за таким же ведомым на поводке Ельциным, ломая свой отчий дом? — спросил я. — И разве не побредёт куда угодно, одурев от отчаяния и безысходности?

— Толковать можно ещё долго, но сакральный смысл всего метафизического действия, всей этой карнавальнoй мистерии, творящейся на наших глазах, — смерть России, — вздохнул Сергей, настроенный крайне меланхолически и пессимистично.

А вот Шмаков, напротив, просто загорался каким-то внутренним огнём. Он твёрдо произнёс:

— Пришло время не думать, не обсуждать, а бороться. Не плыть по течению в обволакивающей сознание мутной воде, а хотя бы умереть с честью. Что скажете, отцы-командиры, умные головы?

Никто из нас ответить не успел. К Юрию подбежал хорунжий Дедов и торопливо доложил, что подъехал автобус с гвардейцами. Уже выгружаются, сейчас хватать начнут. Шмаков вновь рванулся вперёд, в самое пекло, а я и Сергей, постояв немного в сторонке и поглядев на всю эту театральную заваруху, пошли прочь. Не царское это дело подставлять голову под резиновую дубинку.

Однако на этот раз никакого столкновения с росгвардейцами не состоялось. Ну, кто будет бросаться, как цепные псы, на хоругвеносцев? Московские власти такой приказ не отдали. А толпа любопытных выкриками и речами Шмакова-Долгорукова так и не возбудилась. И демонстрация сама собой тихо-мирно рассосалась.

— Он грамотно работает, — заметил Сергей, пока мы шли к метро. — Вроде бы “крестный ход”, люди несут иконы, псалмы поют... Ну да, в неподобающем месте. Что же, их за это в каталажку крутить? А Юра только на это и рассчитывал. Пиара себе прибавить. Пострадать за народ. Он бы и рад день-другой отсидеть в участке как политический, но не всегда получается. Сам туда рвётся, да не пускают. Власти тоже не дураки.

— И заметь, он выбрал очень тонкую тактику, балансирует на проволоке, как цирковой акробат, — согласился я. — Не связывается с “болотными”,

поскольку те себя полностью дискредитировали. Одну ненависть в народе вызывают, и поделом. Нет, на словах он — за Путь. Но лодку всё равно раскачивает. Три дня назад устроил митинг в поддержку Донбасса. Хорошо. Народ собрался, поддерживал. Никто не разгонял, за что? Просто оцепили, чтобы они никуда дальше не двинулись. А что он с трибуны говорил? Что власть нерешительна, что надо идти дальше: признать всю Новороссию и присоединить к России. Всё это тоже правильно, хорошо, но выходит так, что, с одной стороны, он за власть, патриот, хоругвеносец, поэтому не тронь, а с другой — радикал и экстремист, провоцирует на ответное насилие, вроде попа Гапона. И сам ставит власть в тупик: что с ним, таким вот якобы бестолковым, делать? Тем более, накануне выборов... Или его выступления на площадях против американских санкций, в защиту RT, наших спортсменов, лишённых олимпийских наград, обличение мерзопакостной WADA и всё такое прочее. Ни к одному слову не придерёшься. Ну, и пусть бы выступал в статьях или по радио. Нет же, он рвётся на площади и улицы, стягивает к себе народ. А потом, разгорячась, начинает порой нести всякую чушь. И приходится разгонять дубинками. А его хватать — и в кутузку. А “очки” набирает.

— *Enfant terrible*, — кивнул Сергей. — И кто ему только посоветовал вести такую тактику борьбы в этой детской игре “царь горы”? Уж точно не я.

— Да и не я тоже. Но наши мысли, твои и мои, он использует грамотно.

— Где надо и где не надо. Уж лучше бы мы ему вообще ничего не говорили.

— А я думаю, что он бы и сам, своим умом до всего дошёл. Только времени прошло бы больше.

— Пожалуй, ты прав. Исключительная фигура. Хотя и в шутовском колпаке.

— Да головные уборы поменять легко. В зависимости от погоды. Труднее — мозги. А они у него, согласись, есть.

— Это точно. Взглянуть бы, что у него там, в голове делается?

— Без фонаря и не разглядишь. Вскрытие покажет, — невесело пошутил я. Довольно-таки неудачно про человека, рискованно балансирующего на проволоке. Словно пророчествуя.

На том и расстались.

II

Я к подобным акциям Шмакова, простите, Юрия Долгорукова, относился отрицательно. Да и бывал на них редко. Забавно, конечно, но толку от них немного. Хорошо лишь для пиара. Он являлся в своей рясе на собрание феминисток и пытался вразумлять их, громил сектантов своим тяжёлым посохом, разгонял встретившихся ему на пути кришнаитов. Иеговисты были уже давно запрещены, а то бы и им досталось. А вот, например, он со своим Казачко-Стрелецким Войском разгоняет сборище геев в Химках. “Голубые” готовили его в столице, но тут им дали твёрдый заслон, а в подмосковном городке оказалось как-то проще. Наверное, нашли сочувствие в местной мэрии.

Но и сподвижники ХКСВ не дремали. Из той же администрации дали сигнал Шмакову. И на центральной площади Химок в зимний солнечный день почти одновременно сошлись две толпы — размалёванных содомитов и казаков с нагайками и плётками. Шерсти и визга было много. Ну, отстегали, конечно, по первое число. Тем более, что представители сообщества ЛГТБ были в полуголом виде, несмотря на морозец, — удобно пороть. Ещё и гонялись за ними по переулкам. Зрители, простые жители городка, были в восторге, аплодировали. Правда, потом дело опять закончилось КПЗ и административным взысканием. Ну, и что?

Шмаков, по сути, выполнял нашу с Огородовым программу борьбы, но истолковывал её превратно, примитивным образом. Взять хотя бы этот случай. Он лишь привлёк внимание к самим содомитам. А тем только того и надо. Потому что в “прогрессивной” Европе, где уже разрешены браки между “однополыми существами” и официально зарегистрирован “третий

пол", сразу откликнулись: наших бьют! Вот ведь какая Россия нецивилизованная, нетолерантная страна, где нет самого главного, основы основ демократии — свободы сексуальных меньшинств. Ату её! А Шмакова во французских, английских и немецких газетах тотчас же прозвали "православным фашистом".

Или, спрашивается, зачем он полез на рок-фестиваль в Капотне? Чем ему рок-то не угодил? Я понимаю, там также много откровенно сатанинского, но немало и своеобразно музыкального, авангардного, протестного, к тому же нравящегося молодёжи. Да даже и старшему поколению. Взять песни Шевчука, Кинчева, Бутусова... Я и сам люблю их послушать. Но тут у Юрия как раз осечка-то и вышла. Нашла коса на камень.

В Капотне оказались ещё и байкеры "Хирурга", которые ему самому бока намяли, а стрельцов с казаками поклонники рока разогнали с треском. И этой своей непродуманной акцией, от которой я его безуспешно отговаривал, он оттолкнул от своего движения многих молодых людей. А можно было бы как раз разыграть свою партию на их любви к року. Взял бы и сам спел что-нибудь. Формат фестиваля предполагал такую возможность, предоставлял сцену самодеятельным исполнителям. А петь он умел, и на гитаре играл, я знаю. Словом, порой действовал напролом.

Он резко выступал на митингах и в пикетах против наплыва мигрантов в Россию. Называл их "кровососущими клопами" и "саранчой", "бандитами" и "насильниками", "азиатской нечистью" и "отребьем", что не прибавляло ему очков на рафинированном политическом поле, но зато давало обильные входы на национальной маргинальной ниве. И вызывало настороженность в верхах. Там, судя по всему, уже всерьёз озаботились его бурной деятельностью. Особенно после устроенных им облав на общежития нелегальных таджиков, узбеков и прочих киргизов в подвалах и на чердаках московских "хрущёб". Против сноса которых он также выступал на собраниях недовольных жильцов. А чем плохи работающие среднеазиатские дворники? Дело своё делают исправно, зачем же им мётлы ломать?

А в либеральной печати, как отечественной, так и ближнего зарубежья, к нему приклеилась ещё и кличка "русского национал-экстремиста" и "черносотенца". Даже с карикатурными изображениями. В одной газете появился злобный Шмаков в виде шутовского князя Юрия Долгорукова с крестом в одной руке и с гирькой на цепочке в другой, сидящего на осле и пытающегося достать ускокаивающего от него на метле раскосого дворника, который показывает ему в насмешку свой голый зад.

— Ничего, — смеялся он сам, — я ещё до китайцев с вьетнамцами не добрался, до их пошивочных мастерских. Но уже знаю, где они, как тараканы, прячутся. Пусть ждут, скоро нагрянем. И с кавказцами разберёмся. А к чеченцам у меня особый счёт, за Евгения Родионова, мученика и страстотерпца, которого давно пора канонизировать в РПЦ. Но там такие бюрократы сидят! Похуже советских. Вот где чистку тоже надо устраивать...

— Сил-то на всё хватит?

— И сил, и дуста.

Я как "серый кардинал" советовал ему не заниматься ерундой, хотя и это тоже полезно, а бить по "либеральным штабам". Развенчивать ложные идеологемы, которые либерасты навязывают в течение последних тридцати лет всему остальному обществу. И которые ведут к обнищанию духа. В культуре, политике, экономике. Словом, метить туда, где они все и обосновались. В правозащитных организациях, в Высшей школе экономики, на "Эхе Москвы" и в прочих рассадниках русофобии. Выявлять "агентов влияния". Но делать это умно, без провокаций. Иначе всё это будет лишь "стрельба по воробьям".

Сергей Огородов присоединялся ко мне и вразумлял так:

— Вот что ты на Ленина ополчился? Его надо не вытаскивать из Мавзолея, а сравнить со Свердловым и Троцким, которые вот уж действительно были истинными хозяевами страны в первые годы и главными ненавистниками России, виновными в кровавом терроре. И первым же их шагом был расстрел православных священников и монархистов-генералов на Красной

площади, ещё задолго до Бутова. Но об этом почему-то умалчивают, как и о том, что Киевского митрополита Владимира учили не большевики, а украинские самостийники. Я не оправдываю Ленина и не поклонник его, но большевики сумели сохранить Россию, скрепить её железными обручами, иначе бы она окончательно развалилась. Это понимали и царские генералы, перешедшие на их сторону. А в “Белом движении” монархистов практически не было.

Я тебе специально подготовил несколько отзывов о Ленине совсем не глупых людей. Вот тебе Каутский, немецкий экономист, историк и публицист, теоретик “классического марксизма”: “Наши разногласия не должны делать нас слепыми к величию усопшего. Он был колоссальной фигурой, каких мало в мировой истории. Между правителями великих государств нашего времени имеется только один, который хоть сколько-нибудь приближается к нему по своей силе. Это был Бисмарк. Конечно, их цели были диаметрально противоположны. У одного — торжество династии Гогенцоллернов в Германии, у другого — торжество пролетарской революции. Это такая же противоположность, как между водой и огнём. Цель Бисмарка была мелка, цель Ленина — колоссальна”.

А вот лорд Инверчепел: “Ленин в сотрудничестве со своими помощниками предпринял самый грандиозный эксперимент, который был сделан за две тысячи лет. В течение двух тысяч лет подобные попытки кончались неудачей, но Ленин приступил к делу по-новому и основательно. Как человек действия, он всемирно-историческая величина. Враги обвиняют его в жестокости. Это заблуждение. Он был основательным и последовательным осуществителем грандиозной нравственной идеи. Этот покойник будет каждый раз воскресать. В сотне форм. Пока из хаоса нашей земли не восстанет справедливость”.

Или Великий князь Александр Михайлович Романов: “На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи”. Да даже сам Патриарх Тихон: “Идейно мы с Владимиром Ильичом Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нём как о человеке добрейшей и поистине христианской души”.

Ещё философ Бердяев: “Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашёл себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождём революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нём черты русского сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединил в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачёва, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии. Ленин был революционер-максималист и государственный человек... Ленин отрицал свободу внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию. Это и есть диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин. Ленин мог это сделать только потому, что он соединил в себе две традиции — традицию русской революционной интеллигенции в её наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в её наиболее деспотических проявлениях. Социал-демократы, меньшевики и социалисты-революционеры остались лишь в первой традиции, да и то смягчённой. Но, соединив в себе две традиции, которые находились в 19 веке в смертельной вражде и борьбе, Ленин мог начертать план организации коммунистического государства и осуществить его. Как это

парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма. Первым явлением было Московское царство, вторым явлением — Петровская империя”. Это из книги “Истоки и смысл русского коммунизма”.

Достаточно? А вы его хотите смешать с дерьмом, что за охота такая — выбрасывать из русской истории её гениев, пусть даже со знаком “минус”? Хотя я бы поставил ему “плюс”. А вот что писал о нём Устрялов, видный деятель кадетской партии, идеолог “сменовеховства”: “В живой драме всемирной истории это был один из типичных великих людей, определяющих собой целые эпохи. Самое имя его останется лозунгом, символом, знанием. Он может быть назван духовным собратом таких исторических деятелей, как Пётр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой Французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник. Робеспьер — посредственность. Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера.

Он был, прежде всего, великий революционер. Он не только вождь, но и воплощение русской революции. Воистину, он был воплощённой стихией революции, медиумом революционного гения. В нём жила эта стихия со всеми качествами, увлекательными и отталкивающими, творческими и разрушительными. Как стихия, он был по ту сторону добра и зла. Его хотят судить современники; напрасно: его судить по плечу только истории... Но мало ещё сказать, что он был великий исторический деятель и великий революционер. Он был, кроме того, глубочайшим выразителем русской стихии в её основных чертах. Он был, несомненно, русским с головы до ног... Пройдут годы, сменится нынешнее поколение, и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, которые наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек, миллионам страдающих и чувствующих русских людей. И умрёт личная злоба, и “наступит история”. И тогда уже навсегда и окончательно поймут, что Ленин — наш, что Ленин — подлинный сын России, её национальный герой — рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым”. Вот о чём тебе надо говорить на своих собраниях и митингах, дружок.

А “дружок” молчал, наматывая “на ус”. И вскоре несколько изменил свою идеологическую программу, скорректировал её в свете “последних установок Огородова”. В ответ на выдвинутую либералами идею “десталинизации” населения выступил, напротив, с предложением канонизации Иосифа Виссарионовича Сталина. Пусть полают и повизжат от страха. Полезно для кишечника. А ещё стал активно поднимать православную общественность в защиту и обеление от нанесённой грязи царя Иоанна Грозного и старца Григория Распутина. И за причисление их к лику святых. Поскольку они именно таковыми и являются, если смотреть непредвзято. Но умные верующие люди и так молятся им во многих храмах и домовых церквях.

Предлагал также канонизировать всех героев советской поры, и не важно, что они были коммунистами или комсомольцами, — Гастелло, Матросова, Космодемьянскую, Карбышева, Жукова, Гагарина, список можно продолжить. Их в сотни раз больше, чем в “познеровские времена”. Точнее, есть, конечно же, генерал Рохлин, есть Евгений Родионов и другие войны, есть новомученики в Беслане и “Норд-Осте”. Есть дагестанский полицейский, сказавший перед казнью, обращаясь к своим сослуживцам: “Работайте, братья!” Есть русский офицер, вызвавший огонь на себя в Сирии. И их тоже много. Но почему им не ставят памятники? Почему их не знают и забывают? Вот и получается, что российский школьник Коля из Уренгоя, вступаая в немецком бундестаге, жалеет “невинно убиенных” фашистов и ни слова не говорит о советских жертвах нацизма.

Юрий прислушивался к нам и шёл даже дальше и глубже, делая всё по-своему. Предельно радикально. Вот, допустим, принял МОК в начале декабря позорное решение не допустить наших спортсменов до Олимпиады в Южной Корее, а тем, кто поедет, выступать под чужим флагом и без исполнения гимна. К чёрту олимпиады! Свои надо организовывать. “Спартакиады

народов России". И вместо того, чтобы платить огромные гонорары бездарным футболистам, бросить все финансы на развитие физкультуры и спорта среди детей и подростков. Особенно в провинции.

— Все эти мировые чемпионаты, олимпиады, соревнования давно уже превратились в "цирк зла"! — кричал он на митингах и собраниях. — Они не могут победить нас в открытой борьбе, так используют поцарапанные пробырки предателя и наркомана Родченко, сифилитика и шизофреника! А сами американские спортсмены буквально напичканы допингом, как каплуны и бройлеры! Вот уж действительно — средний пол, не мужчины и не женщины — роботы, без мозгов и сердца. Да даже и так, съев ведро таблеток, выиграть не могут. Потому что знают, судьи сволочи, что русский человек непобедим! И боятся нас, заранее терпят поражение от страха.

В отношении Украины он просто призывал "за два часа брать Киев и идти дальше — к границе. Попробуют вякать — громить и Польшу с Прибалтикой!" Это, разумеется, вызывало бурный восторг и гром аплодисментов. Но такие митинги вскоре и заканчивались разгоном. И зря он порой упрекал Президента в нерешительности, допуская выпады в его сторону. Напрасно не видел разницы между ним и коррумпированной элитой. Это было уж совсем глупо. Никогда ещё за последние пятьдесят лет на вершине власти не стоял столь умный, сильный, гибкий, волевой руководитель. Его уважали и боялись в мире, признавали даже враги. Поэтому всячески и пытались очернить и оболгать. Ведь это он бросил им в лицо с трибуны ООН беспощадные слова:

— Безумцы, вы хоть понимаете, что натворили?

И его победа, победа единственного национального лидера на предстоящих выборах была безоговорочной. Поскольку в простом народе вся надежда была только на него. А Шмаков вроде бы пытался и мечтал представлять интересы именно этого простого народа, обыкновенных тружеников и крестьян. Но признавать свои ошибки он не хотел. Самоуверенность тоже была его отличительной чертой. А тут ещё, как мне тогда показалось, заметное влияние на него стали оказывать два приبلудных и блудливых кота-расстриги — Кассиан да Киприан. О них сейчас поподробнее.

12

Они мне с самого начала не понравились, вызывали раздражение. Ещё когда Юрий жил у нас, он привёл их в нашу квартиру. Вообще-то Шмаков часто таскал к нам кого ни попадя, сам подбирая залежалый народец из-под лавок, словно подражая мне и Евгении Фёдоровне и считая себя, наверное, уже ступенькой выше, чем они. Может, конечно, и просто от широты души или желания помочь, памятуя о своём недавнем прошлом.

О прочих говорить не буду — обычные божжи, которые быстро вылетали обратно на улицу, получив свою пайку и кое-какую одежду, но не кров. Нам хватало одного Шмакова. Эти — Кассиан и Киприан — были последними. После них терпение жены наконец-то лопнуло, и она предупредила Юрия, чтобы он завязывал с дешёвой филантропией. Ей надоело всякий раз вызывать санэпидстанцию и морить насеконных. Он послушался, и больше незваных гостей не было.

А этих молодцов в шелковых рясах представил так:

— Мои земляки, с одной деревни. И даже тоже детдомовцы. Изгнаны из Церкви за обличительные речи супротив тверского архиепископа.

— Самодур он, злыдень и есть, оборотень у алтаря, срамник поганый, зело вино пьёт, табак курит, девок портит, землёй и домами приторговывает, с жидомасонами дружбу свёл, — закивали те, продолжая перечислять грехи областного архиерея. Чего только на него, бедного, не навесили! Ясно, что обижены были за какую-то собственную провинность. Обличали бы ещё до утра, если бы жена их не остановила.

— Хватит, — сказала она, — мы всё поняли. А сейчас-то сами чем занимаетесь? По какому департаменту изволите служить?

Оказалось, как мы уже и без них догадались, ничем и ни по какому. Бездельники, короче, но довольно рослые и упитанные. Мир ведь не без добрых

людей, а ещё больше — доверчивых и глупых, у которых всегда можно и подкормиться, и развиться чем нужно. Тем и промышляли, задействовав православленную риторику.

Далее выяснилось (а Евгении Фёдоровне бы в СМЕРШЕ в своё время работать — так она умела людей тестировать и отвлекающими вопросами на правду выводить, почище всякого “полиграфа”), что никакие они не попы, только готовились к священноначалию, да не прошли процедуру, сразу же им и дали от ворот поворот. Что-то не срослось с Церковью, вот и обозлились.

Впрочем, тут и гадать особо нужды не было. Сами же они себя и выдавали, своим поведением. Нападками на Патриарха, митрополитов, разговорами о пожизне, о безделушках, о чужой славе и роскоши. И здесь же — высокопарные слова о России, о мировом заговоре, о Спасителе. Где мамона с мшелоимством и где Христос? Где вера, а где пустые словеса?

Но таких прохиндеев многие простые люди слушают и идут за ними. У обоих расстриг были свои группки сподвижников, которые потом и влились в движение Юрия Шмакова. Кассиан и Киприан вроде соревновались друг с другом в обличительном пафосе. В праведном гневе на несправедливый к ним мир. А что сами для него сделали, чтобы уллучшить? От злобы — один шаг к подлости.

К тому же, выгнали они откуда-то из подрясника бутылку коньяка, стали угощаться, попутно рассуждая о двух богатых старухах, на которых не грех бы им и пожениться ради общего блага. Вот тогда дело на лад пойдёт. А уж духами от них воняло — как в солдатском борделе. Да все пальцы в дешёвых кольцах. Неприятные типы. Я после даже вещи проверил, не стацили ли чего. С них станется.

Вот и таких людей рождает тверская земля, богатая в российской истории знаковыми именами (взять хотя бы Афанасия Никитина или Фёдора Глинка) и событиями. Никакая другая область не дала Отечеству такое обилие выдающихся личностей во всех сферах человеческой деятельности, не привлекала так своей природной красотой и культурой. Славное место, героическое. Об этом вдруг и стал говорить Юрий, испытывая, очевидно, искреннюю ностальгическую тягу к своей “малой родине”, раскрываясь перед мной и Женей совершенно с неожиданной стороны:

— Ведь именно здесь сделал первую попытку объединить русских людей в борьбе за национальную независимость князь Михаил Тверской. Это мой любимый герой в российской истории, погибший под Моздоком “за други своя”. Таким и я хочу быть. Не Долгоруким, а Тверским... А под Ржевом, помните, была остановлена вся Европа, ведомая фашистами на убой России. Весь “цивилизованный мир” пёр на нас, как теперь, те же, по сути, модифицированные фашисты, во главе с англосаксами. Трамп, Клинтон, Меркель, Макрон, Мэй — это такие маленькие гитлеры, гиммлеры, геббельсы, геринги. А ещё мельче, совсем уж клопы — порошенки, прибалтийские мальки-шпроты, бактерии и инфузории из Польши, Румынии, Швеции и неблагодарные болгарские карлики.

А что теперь? Теперь же о былом величии порубежной крепости Руси ничего не напоминает, Тверь ныне — лишь вотчина для новых латифундистов на латиноамериканский манер. Обосновались господа банкиры, типа Смоленского, презрительно именующие аборигенов “нищим быдлом”. Даже к Волге простым жителям проход закрыт высокими заборами, а в лесу не смей грибы с ягодами собирать — частная собственность. Куда идём? К новому беспощадному, но справедливому бунту? Дождётся, Кремль! Будешь ответ держать! Людское терпение бухорьных нищebroдов не беспредельно! Отольются ещё кошке мышканы слёзы!

— Ты не на митинге, Юра, охолонись, — напомнила жена не в меру разгорячившемуся Шмакову. — Попей чайку. Да товарищей своих угости.

А те и так уже без напоминания весь торт съели. И коньяк допили. С тем и ушли вскоре. Однако, покинув наш дом, возле Шмакова Кассиан и Киприан задержались. До тех пор, пока не запахло жареным. Подобные типы с острыми носами чувят быстро, откуда начинает дуть ветер, и линяют легко и стремительно.

А жареным запахло очень скоро, поскольку акции Юрия Долгорукова не прекращались и движение наливалось силой. На несанкционированных митингах, собиравших огромные толпы, Шмаков яростно кричал, что пора очистить Белокаменную от “черноты”, от убийц и насильников, от воров и бандитов, от геев и педофилов, от либерастов и дерьмократов, от продажных чиновников и олигархов. Это возбуждало народ, он попадал в самую точку, бил скальпелем в болезненный нерв. И ведь всё правильно говорил. Люди сами чувствовали то, что он выражал громко, открыто и откровенно. Ничего не боялся, чертяка.

Юрий наэлектризовывал толпу так, что она готова была двинуться за ним куда угодно. Его слова, будто щупальца, проникали в сердцевину мозга, охватывая каждого отдельного человека и всех вместе. Он, несомненно, был прирождённым трибуном. А московские власти уже стали понимать, что выпустили джинна из бутылки. Поскольку Шмаков становился неуправляемым (даже если им кто-то когда-то и “управлял”, в чём я сильно сомневаюсь). Но главное, он стал не просто подхватывать чужие идеи и лозунги, а размышлять. И выдвигать свои требования к позорным продажным чиновникам.

Вернее, не свои, а *выражать чаяния русского народа*, задвинутого куда-то на обочину России. Вот что в нём больше всего нравилось. Нравилось тем, кто и сам принадлежал к этому народу, и вызывало жуткую ненависть у всех тех, кто страстно желал его уничтожения. А он, в пику им, кричал, что русский человек должен стать новым человеком, у которого нет и не может быть грехов в принципе. Должен стать идеальным человеком, чтобы исправить и повести за собой весь остальной, погрязший в скверне мир.

Конечно, все эти митинги заканчивались так, как и положено, — разгром толпы, битьём по черепкам и кутузкой. Но Шмаков становился только ещё злее и проворнее. Ещё яростнее и активнее в своих действиях. Ещё умнее, если хотите. А мы с Женей и сами потеряли над ним контроль. По поводу “нового и идеального русского человека” я и Сергей Огородов ему говорили, что благими намерениями вымощена дорога в ад, и всякий абсолютец, взятый за норму, на фоне конкретной жизни рано или поздно подтверждает свою несостоятельность.

Обещанную Шмакову статью о его движении я написал, да не одну, а несколько — в тиражных газетах, но они-то и явились причиной нашего разрыва с ним. Потому что в них я не столько хвалил его, сколько корил и предупреждал: не рубить лес, не выплёскивать вместе с водой младенца. Собственно говоря, тексты мои были полны сарказма, желчи и издёвок по отношению к нему. Я попросту назвал его “ряженым”. Мысль моя была достаточно прозрачна: всякая революция есть зло, а уж для России особенно. Ни одна страна в мире за всю человеческую историю за короткий век не меняла столь часто свою общественно-государственную систему и формацию. Сколько ж можно?

Больше не выдержит. Но и терпеть дальше, конечно же, нет сил. Молча смотреть на откровенную несправедливость, покровительство высоких воров, беззаконие, ложь в устах чинуш и бюрократов, засилье мигрантов, разнузданность кавказских диаспор и прочее. Чубайса и иже с ним, в конце концов! А что делать? Ответа на этот вопрос я не знал. Знал лишь то, что Шмаков-Долгорукий, по сути, настоящий бунтовщик и движется по пути революции. А придёт время — и сметёт всё.

Он шёл в последнее время по лезвию ножа. Будто намеренно дразнил власть. Но сгубило его не это. Не его политическая активность, если можно так выразиться. Она была довольно-таки бестолковой, а подобных оппозиционеров в настоящее время — пруд пруди. Даже мажоры на площадях толкуются, а этим-то что надо? Чего не хватает? С жиру бесятся. Вот придёт грозный дядя из подворотни, да и отберёт всё. Тогда уж завоюют по-настоящему.

Нет, Юрий неожиданно для самого себя наткнулся на самое главное. На корень зла. Но сам бы он до этого, конечно же, не додумался, не доискался. Тут мы с Огородовым помогли, наша вина. Мы, вернее, Сергей имел неосторожность открыть ему одну истину. Тайну, если хотите. Хотя для сведущих людей это никакая не тайна, просто никто её не афиширует. Слишком опасно для здоровья.

Так вот. Всем в мире, и в России в том числе, управляют финансовые корпорации, банки. Наступило то время, когда ссудный капитал решает всё. А деньги — это дым. Или болезнь, все ею хотят заразиться, но никто не желает распространять дальше. А если серьёзно, то ещё в 1875 году английский лорд Актон сказал пророческие слова: “Битва, которая проходит через века и в которой рано или поздно предстоит сразиться всем честным людям, — это сражение против банков”. А основатель династии Ротшильдов, будто в ответ, бросил: “Если у вас нет времени, то вам и некогда зарабатывать деньги”.

Деньги, деньги, деньги — вот весь смысл сегодняшней цивилизации, он посвящён лишь одному — получению денег. Менялы, которых Иисус выгнал из храма две тысячи лет назад, в течение последней пары сотен лет вновь стали главными действующими лицами истории, а слово “банкир” — синонимом “влиятельного и успешного человека”. Мы неуклонно движемся к обществу, где интересы банков и корпораций оказывают на политику определяющее влияние. Олдос Хаксли писал: “По-настоящему эффективным тоталитарным государством станет то, в котором всемогущие политические боссы во главе армии менеджеров встанут над рабами, не желающими свободы, поскольку им нравится прислуживать”. Сможет ли выправить положение “либеральная модернизация”, о которой столь ратует Медведев, этот “наиболее либеральный” политик (он же первый руководитель страны, оценивающий крушение СССР позитивно)? Смешно об этом даже и говорить. Идёт просто опора на полное привязывание государства к внешним мировым структурам, откуда черпается поддержка и признание. Российские либералы — это в основном те, кому понятие “ворюга... милей, чем кровопийца”, но их позиция при продолжении растаскивания страны приведёт к неминуемой “пугачёвщине” и её подавлению силами внешней интервенции.

Так говорил Огородов, объясняя это Юрию, когда мы вновь сидели втрём на моей кухне.

— Весь смысл существования сегодняшней цивилизации посвящён только одному: получению денег. Любым способом. Деньги не пахнут. Какая там, к чёрту, мораль, нравственность, культура, политика! Нефть, золото, недра — ничто, лишь ступеньки к миллиардам. Все войны и мировые кризисы искусственно сконструированы ради получения прибыли. Развал СССР тоже был затеян лишь для *разделяния туши медведя*. А теперь Россия... Ссудный процент, ростовщичество осуществляется тесной группой дельцов, их даже нет в “Форбсе”, они над ним. Это особый клан. Вот кто властвует над миром. Вот кто ведёт его к окончательной гибели. К приходу Антихриста. И они не прощают тех, кто приоткрывает завесу над их *тайной беззакония*.

Огородов рассказал Юрию о вычеркнутом из всех современных энциклопедий и справочников “еретике” Сильвио Гезеле, которого сами финансовые гуру ставят выше “патриарха капитализма” Джона Кейнса.

— Но чем же провинился этот аргентинец, живший в начале прошлого века, что его так замалчивают? Если коротко, он ввёл понятие “свободных денег”, которые отличаются от “традиционных” тем, что на них не начисляются проценты. Гезель пошёл дальше, он выдвинул ещё более революционную, подрывающую основу ростовщичества, ссудного капитала идею: недостаточно лишить традиционные деньги способности приносить прибыль за счёт процентов, их необходимо обложить процентами! Он писал, что традиционные формы денег предельно порочны и неэффективны, поскольку исчезают из обращения всякий раз, когда возникает повышенная в них потребность, и затапливают рынок в моменты, когда их количество и без того избыточно. И подобные формы денег могут служить лишь инструментом мошенничества и ростовщичества.

Зло — в кредитной природе денег, а восстановление справедливости предполагает ликвидацию этой кредитной природы, подпитывающей Гобсеков. Деньги сейчас, призванные, по определению, облегчать обмен обычных товаров, обладают, в отличие от этих самых товаров, уникальной способностью. Они умеют преумножать себя без особых усилий со стороны их владельцев. Автомобили ломаются, помидоры гниют, а деньги — дым! — сохраняют преимущества непопращаемого товара.

И, тем не менее, деньги в современной их форме превратились в идеальный товар, будь то в виде всяческих депозитов, облигаций, ценных бумаг, опционов, фьючерсов, варрантов, свопов и прочего сонма виртуальных слагаемых, то и дело приводящих к дефолтам и обрушивающих мировую экономику. Тут ещё появились виртуальные компьютерные деньги. Не случайно. А финальный финансовый кризис, который уже не за горами, должен привести к окончательному переделу мира.

Идея Гезеля о “свободных деньгах”, деньгах без процентов и инфляции или деньгах с “демерреджем” на практике применялась ещё в Древнем Египте. Там единицами денег служили осколки глиняной посуды, “острака”, это были, по сути, расписки за депозиты. Крестьянин сдавал зерно и получал “остраку”. Не буду больше углубляться, скажу лишь словами самого Гезеля: “Только деньги, которые устаревают, подобно газетам, гниют, как картофель, ржавеют, как железо, и улечучиваются, как эфир, способны стать достойным инструментом для обмена картофеля, газет, железа и эфира. Поскольку только такие деньги покупатели и продавцы не станут предпочитать самому товару. И тогда мы станем расставаться с товарами ради денег лишь потому, что деньги нам нужны в качестве средства обмена, а не потому, что мы ожидаем преимуществ от обладания самими деньгами”.

А самое главное, такие деньги, “острака” (деньги с “демерреджем”), нельзя приумножить, они не приносят проценты, они сами подвергаются налогам за хранение. И это рушит всё здание ссудного капитала. Гобсек в таком случае обязан разделить судьбу Агасфера. Но разве банки и финансовые корпорации позволят, чтобы кредитные деньги ушли из нашей жизни? Разве их бог — Процент — позволит это сделать?

Вот почему Сильвио Гезеля и упрятали в своё время подальше с глаз долой — в сумасшедший дом. И Глобальная Империя Золотого Тельца никогда не даст человечеству, превращающемуся в общество бесконечного потребления, вырваться из пут кредитных денег, из оков ссудного капитала. А российская элита сознательно или бессознательно желает попасть в клуб этой Глобальной Империи. Но это нисколько не говорит о желании самой мировой финансовой элиты видеть там Россию. Там ей нет места...

Чтобы разобраться в хитросплетениях большой “политической игры” нашего времени, нужно обратиться к истории. Более упрощённо, с определёнными допущениями это можно рассматривать как “конкуренцию” клана Ротшильдов и клана Рокфеллеров за доминирование в мире. Конечно, нельзя не учитывать и роли “третьей” силы — Ватикана, но сегодня не она является решающей, к тому же она не имеет своего “проекта”; поддержит в итоге победителя (не зря Папой сделали иезуита!), а по сути, представляет собой касту жрецов экуменизма в христианской оболочке.

“Белый” проект Рокфеллеров под условным названием “Новый Израиль” — изначально американский и ориентирован на США (Новый Свет) как центр Мировой республики; свободу при жёстком порядке гегемона-сверхгосударства. Фашистская модель (корпоративизм), основанная на ВПК, нефти и центре долларовой эмиссии (ФРС). Типичный “булат” с претензиями на “мессианство” белых протестантов (большинство из которых мнит себя потомками “десяти утерянных колен” Израиля, но при этом не все из них — англосаксы). Кстати сказать, претензии “богоизбранности” неизбежно вырождаются в нацизм, будь то Третий рейх или современные США. Кто бы ни пытался играть роль “Нового Израиля”, в сущности, либо отрицает, либо подменяет собой Церковь Христову. Поэтому у истоков таких миростроительных замыслов обязательно оказываются гностики, члены разнообразных тайных обществ или оккультных орденов, так или иначе

связанных с “иллюминаатами”. В случае Америки — это орден “Череп и Кости”. Консерваторы, реалисты, белая раса, электорат Трампа.

“Цветной” проект клана Ротшильдов — космополитический/коммунистический под условным названием “Новый Вавилон” — изначально ориентирован на Лондон, мировую монархию в виде конфедерации: через многополярность к “всесмешению”. Богоборческий, основан на древней каббале. Готовит трон “царю мира” из колена Данова. Осуществляется потомками Сына Хама — Нимрода, выдающими себя за семитов, и выходцами из древнего Вавилона — жрецами Ваала, цинично использующими в своих дьявольских планах так называемый еврейский народ. Скрытые люцифериане, творцы мировой революции, видимым образом которых — “закрывающим звеном” — является семья “иудо-хазар” Ротшильдов. Типичное “золото”. Менялы, могущество которых зиждется на золоте, драгоценных камнях и наркотиках. Более хитрые и не столь прямолинейные, как белые, создатели глобальной сетевой структуры, под контролем которой мир “мягко” удушается. “Хамы, занявшие шатры Сима”. Именно им приписывают руководство тайным мировым правительством (“Скрытая рука”). Орден, который явным образом отстаивает их интересы, — “Бнай Брит”. Либералы, “утописты”, фининтерн; те денежные мешки, в интересах которых совершается “перманентная революция”.

И нет ни одного, ни пролетарского, ни даже коммунистического движения, которое не действовало бы в интересах денег, в направлении, определяемом деньгами, и в течение времени, дозволяемого деньгами. И это независимо от идеалистов среди его лидеров, имеющих самое слабое представление об этом факте... Ты хоть что-нибудь понял из моего монолога?

Сергей замолчал, а мы переглянулись. Огородов, собственно, обращался к нам обоим. Я, честно говоря, мало что понял, но Юрий кивнул головой. Он оказался поумнее меня и всё схватывал на лету. Вот обо всём этом Шмаков и стал теперь кричать на каждом углу, писать в газетах, рассуждать на собраниях и митингах. Он находил простые доступные слова, излагая теорию Гезеля, говоря о ссудном капитале, о кредитных деньгах, о “корне зла”, и слова эти доходили до сознания людей. Они вбивались, как гвозди в крышку гроба Империи Золотого Тельца, Нового Вавилона. И этого уже не могли стерпеть те, кто незримо следил за ним, присматривал.

14

Юрий Шмаков уехал в Тверь и что-то там начал “мутить”. Всё его “войско” также перебралось туда. Но попытки организовать протестное движение Долгорукому-Тверскому не удалось, активистов ХКСВ переловили и пересажали в камеры, а самому Юрию удалось каким-то чудом ускользнуть. Видно, он научился конспирации.

Но в конце мая он объявился в Москве и открыто выступил на каком-то митинге. Это собрание импульсивно выросло возле музея Маяковского. Я из любопытства пошёл, поскольку Юрий накануне в двух словах известил меня о нём по мобильному телефону. К тому же давненько уже не видел своего “пасынка”. А он вновь разительно переменялся. В простой рабочей одежде, робе, с исхудалым бледным лицом, с длинными волосами, бородкой и горящими революционным огнём серо-голубыми глазами. И яростной жаркой речью. Вообще он напоминал лихорадочного больного. Взвинчивая себя до предела, он кричал в мегафон, роняя в не слишком-то большую толпу отрывистые фразы, лишённые логической связи. Просто лозунги, или, как сейчас говорят, слоганы:

— Братья и сестры! Проснитесь! Выбирайтесь из своих “хрущоб”! Люди из канав и щелей! Из подвалов и подземелий! Люди под лавками! Вылезайте на волю! Выходите на свежий воздух! Гоните к чертям собачьим капиталистов! Тех, кто вас угнетает! Идите за мной! Сотрите эту буржуйскую поросль! Опомнитесь, наконец! Станьте людьми, а не быдлом!

Я стоял в самом конце этой немногочисленной толпы, всё хорошо видел и слышал. И всё помню до сих пор. Запомнил даже охвативший вдруг меня

самого жар. Что это было? Гипноз, суггестия, тот самый “синдром Кандинского”, о котором нам рассказывала Жёня? Не знаю, но ещё минут пять, и я бы сам двинулся вслед за Юрием туда, куда бы он нас позвал. А он махал беспорядочно руками, указывая то в одну, то в другую сторону. Но это было потрясающее зрелище, словно глоток “коктейля свободы”, как в октябре 93-го года, когда мы чуть не смели Ельцина с его продажной кликой. Тогда это не получилось. А вся разница в том, что сейчас-то это было совсем никому и не нужно.

Митинг был очень коротким. Вскоре налетели ростовардейцы, в схватку с ними вступили оставшиеся возле Юрия Шмакова активисты ХКСВ, пытаясь вывести в безопасное место своего лидера, началась молотиловка. Совершенно случайно я и сам получил резиновым амортизатором по голове... А очнулся в больнице, где меня и разыскала Евгения. Она и перевезла меня после недельного покоя на домашний диван.

Позже я узнал, что над Юрием Шмаковым и другими активистами движения состоялся скорый суд. А поскольку в схватке у музея Маяковского пострадали два ростовардейца, всех зачинщиков потасовки приговорили к различным срокам тюремного заключения. За разжигание межнациональной розни и подстрекательство к мятежу. Юрию дали пять лет колонии общего режима. Наказание суровое, но он принял его с улыбкой. Так мне рассказывали.

Но на этом дело не кончилось. Я пользуюсь сведениями, которые до меня доходили. А правдивы ли они или нет — не знаю. Прошло всего полгода, и Шмаков поднял бунт в колонии. Он пользовался там большим авторитетом, его уважали. Что было делать тюремным властям? А снова вспомнить хорошо забытое старое. Его перевели в Москву, в институт Сербского, якобы для экспертизы. Конечно, явный же сумасшедший. Причем буйный. И упрятался, как того же Гезеля, в “жёлтый дом” на Каширской. Чтобы излечить “от недуга”. Там он и провёл несколько недель. Об этом мы с Евгенией узнали только перед Новым годом.

Жёне через своих знакомых-психиатров, коллег по работе, удалось добиться тайного свидания с ним. Она и меня взяла с собой, я сам очень просил её об этом. Мне хотелось поговорить с ним, расспросить о том, что мне казалось самым важным. Ведь я так и не узнал те две тайны, которые он хранил. Или их не было, и он всё выдумал? В любом случае, я должен был его увидеть. Зачем-то прихватил с собой бутылку шампанского и мандарины. Новый год всё же.

В психиатрической лечебнице благодаря наступающему празднику было послабление режима. По коридорам в халатах и пижамах слонялись пациенты, из-за дверей врачебных кабинетов доносился смех, на стенах висели разноцветные гирлянды и ёлочные украшения. Знакомый врач проводил нас в палату, где в два ряда стояло несколько пустых железных коек, и оставил наедине с Юрием.

Он сидел у окна на стуле и выглядел более-менее нормально, но лицо уже стало каким-то одутловатым, мертвенно-бледным, без кровиночки. Узнал нас не сразу. Но обрадовался. А вот речь была какая-то замедленная, словно все слова давались ему с трудом. Он будто бы выталкивал их через силу из горла. Но глаза по-прежнему вспыхивали порой давними искорками.

— Меня тут колот чем-то, — пожаловался он. — Таблетками пичкают.

— Я попробую вытащить тебя отсюда, — пообещала Евгения. — Смягчить режим. Или... как-нибудь иначе.

— Пустое, это уже невозможно сделать, — почти равнодушно ответил он, глядя, как я разливаю шампанское в прихваченные с собой пластиковые стаканчики. — Видно, судьба.

Он поглядел на меня и улынулся.

— А помнишь, Александр, нашу переписку? Я тебе “палату номер шесть” предрекал, а сам в ней и оказался. Забавно. А смешная у нас была эпистолярная... Всё смешно...

— Не всё, — не согласился я. — Твоя жизнь вот. Но ты выберешься. Ты сильный. И снова всё начнешь. Только по-другому.

Мы выпили. Женя и Юрий только пригубили из своих стаканчиков. Она стала чистить мандарины.

— Мы же вместе шли по этой дороге, — продолжил я. — И дальше пойдём, не сомневайся. Только держись. Ты справишься. И не такое бывало.

— А хочешь всё-таки узнать о той тайне, с чего началось наше знакомство? Ведь ты для этого и пришёл? — спросил он вдруг, словно угадав мои мысли.

— О двух тайнах, — поправил я. — У тебя их две, насколько я помню.

— А они есть у каждого русского человека. Понимаешь, о чём я?

Тут он надолго замолчал, задумавшись о чём-то. Уставился в окно, явно позабыв о нашем присутствии.

— Ну, говори же, — поторопил я.

И он ответил, повернувшись к нам. Лицо его снова преобразилось, ожилося, стало каким-то одухотворённым и юношески прекрасным.

— У всего русского народа есть эти две тайны. Которые сопутствуют ему на протяжении всей его истории. Они входят в противоречие друг с другом, но и дополняют. Читай Библию.

— Так что же? Скажешь?

— Да ты и сам знаешь. Это Тайна беззакония и Тайна благочестия. Всегда, во все времена. И они постоянно борются друг с другом, то побеждая, то проигрывая... А Истина — посередине.

15

Через пару месяцев мы сидели в маленьком кафе возле нашего дома и вспоминали Юрия Шмакова. Самое удивительное, что он умудрился сбежать из этой “больнички”, сразу после Нового года. Как он это сделал, это уже другая история, но я подозреваю, что ему помог кто-то из коллег Жени, и, конечно же, не без её просьбы. Но сама она мне об этом никогда не рассказывала.

За столиком с нехитрой снедью и бутылкой коньяка разместились Сергей Огородов с Наташей, я с женой и тот самый хорунжий Дедов из “сообщества” лидера Христианского Казацко-Стрелецкого Войска. Он и был тем самым студентом-очкариком с кафедры психофизиологии Евгении Фёдоровны, её “секретный агент”, “глаза и уши” из окружения Юрия. А по сути, ставший теперь его ярым апологетом и преданным сторонником. Так Шмаков сумел на него повлиять и “переделать”. Сам Дедов избежал тюремного срока только потому, что его в тот день возле музея Маяковского не было, заболел. Думаю, что и он приложил “руку” к побегу своего вождя из клиники.

А теперь мы сидели, разговаривали, изредка пригубливали коньяк из маленьких рюмочек, вспоминали различные эпизоды из нашего не слишком-то большого знакомства с Юрием Шмаковым, то грустили, то веселились. Всё-таки что-то в нём было...

— Хорошо бы он вернулся, — сказал хорунжий Дедов.

— Не лезьте вы все больше в это дело, — усмехнувшись, посоветовал Сергей. И добавил: — Всё кончилось — забудьте. А всю правду о своей судьбе никто и никогда не узнает.

Наташа заспорила:

— Нет, нужно идти до конца, чтобы знать правду. Обо всём, что не только происходит в этом мире, но...

Она запнулась, а я продолжил, подхватив её мысль:

— Но и о том, что в нём не происходит. Но могло бы быть.

— А судьбу мы сами себе делаем, — добавил Дедов. — Хотел бы я быть похожим на него. Так и знайте!

— Лёша, утомонись, — остудила его пыл Евгения. — Скажи спасибо, что ты сам ещё легко отделался. Тебе надо наукой заниматься, а не политической. Пусть другие воюют.

— Нет. Вот так все покорные судьбе и рассуждают. А если не я, то кто же?

— Правильно! — поддержала его Наташа. — Воевать гораздо интереснее, чем тихо и мирно вязать шерстяные носки, сидя перед телевизором.

— Ну, это вопрос спорный, — снова улыбнулся Сергей. — Носки тоже нужны. А он, по сути, всегда был баламутом. Когда на море шторм — лодку не раскачивают.

— С вами не соскучишься, — вздохнула Евгения. — Но такие люди идут до самого конца — либо в беззаконии, либо в благочестии. Тут Сергей прав — куда ветром вынесет.

Мы помолчали, думая каждый о своём. А потом Дедов вдруг произнёс: — А вы знаете, о чём ещё говорят? Ходят слухи, что Юра Долгорукий сейчас где-то в Сибири. Правда-правда. Его там видели. Что-то затевает.

— Он теперь уже никогда не угомонится, — согласилась Наташа.
— Да, может, похож просто? — усомнился я, отметив про себя, что Лёша так и сказал: не “Шмаков”, а “Долгорукий”, словно это прозвище уже приклеилось к нему навсегда.

— Не знаю. Но точно видели. И он там новое “войско” сколачивает. Скоро вернётся. Ждите.

Евгения только улыбнулась на эти слова.
— А я верю! — с вызовом произнёс Дедов.

Мы вновь замолчали, пригубив любимый Юрием афонский ликёр, который захватил с собой его преданный хорунжий. Странное у меня было ощущение. Я всё-таки реальный, трезвомыслящий человек, но чувствовал, будто сам сейчас нахожусь где-то в Сибири и разговариваю с живым Юрием. Или он сидит тут, рядом с нами, шестым человеком за столиком, слушает наши речи и наблюдает за нами. Или ждёт чего-то от нас. Каких-то важных и главных слов. Именно от меня, что ли? Чтобы я рассказал людям его историю? Повествование о “человеке под лавкой”? Или, правильнее будет, называть его теперь “Хомо рус”?

— Я верю, — повторил хорунжий в очках.

Потом я понял, чего именно ждёт этот незримо молчащий человек рядом с нами, среди нас. Ждёт того, что никогда не будет раскрыто до конца живым людям — эти две евангельские тайны беззакония и благочестия. И надо положить всю свою жизнь, чтобы только приблизиться к их познанию. А хватит ли на это времени у нас, у меня лично? Кто знает... Вслух же я лишь тихо проговорил, велед за хорунжим Дедовым:

— И я верю в это. Верю, что он вернётся. Он или кто-то другой, такой же. Земля русская неисчерпаема. Нельзя не верить.